

ВАЛЕРИЙ СУХОВ

ХОЛМЫ ЗЕМНЫЕ

Стихи разных лет

Пенза
2019

ББК 84 (2 Рос= Рус)6
С 91

Сухов, В. А. Холмы земные: стихи разных лет.
2019. – 220 с.

ISBN 978-5-906589-17-0

В книгу известного пензенского поэта Валерия Сухова вошли стихи разных лет и статьи литературных критиков о его творчестве.

© В. А. Сухов, Пенза, 2019.

ДЕТИ РОССИИ

Мы – заблудшие дети России.
Сколько раз нас сбивали с пути
Новоявленные мессии!
Новопризванные вожди!

Возносились они над нами
И калифами были на час.
Русь насиловали, распинали!
А она – молилась за нас.

Чтоб бесовством переболели
И душой исцелились навек.
Перед Родиной на колени
Упадём покаянно в снег.

Посреди её бездорожья
На распятии всех путей.
И Россия, как Матерь Божья,
Не оставит своих детей.

1991

ТАЙНА

Остался сын в горах Афгана..
Навеки в бэтээр из цинка
Запаяны его панама
Да комья рыжего суглинка.

Рвал души материнский вой!
Но тайну люди сохранили.
И гроб с афганскою землёй
В могиле русской схоронили.

1982

ИСКУССТВЕННАЯ РОЗА

*Эти стихи были написаны
на кладбище у могил
воинов-интернационалистов.*

Фамилии и даты.
Лежат в земле солдаты.
За что они убиты?
Молчат об этом плиты.

Зачем вам эта проза?
Я поклонился низко...
Искусственная роза
В пыли у обелиска.

1985

ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ В ТАШКЕНТЕ

Что может быть страшнее смерти?
Когда уже надежды нет...
Военный госпиталь в Ташкенте.
Калеки в восемнадцать лет.

Мать, дрогнув, входит в дверь палаты.
Кровати выстроились в ряд.
На них, как на крестах распяты,
В бинтах её сыны лежат.

Им соловьи любви отпели.
Не нянчить матери внучат.
Распилами берёз в апреле
Обрубки тел кровоточат.

Войной изломанные жизни.
Нет рук и ног, а всё болят.
И как немой укор отчизне,
Глаза тех стриженных ребят.

1985

ДВУХСОТЫЙ

«Чёрный тюльпан» поднимается в небо.
Брезентом накрыли «двухсотый груз».
Солнце от пота и крови ослепло.
До приказа парень вернётся в Союз.

Его дорогой, до боли знакомой,
В цинке запаянном повезут.
Встанет фургон у родного дома.
В избу гроб солдаты внесут.

Мать забьётся, голос срывая:

«Покажите сыночка лицо!»

«Хоронить – не вскрывая!»

.....

Что скрывали?

В конце концов...

1985

ПАСТОРАЛЬ

Мне никогда не забудется
«Пастораль» родного села:
Пьяную мать по улице,
Потупившись, дочь вела.

А у колодца соседки
Кивали, им глядя вслед:
«Уж в детдом бы и то лучше Светке!
И куда глядит сельсовет.

Нюрка совесть совсем пропила!
На пол-литру детей променять!
Раньше дочка отца водила.
А теперь она водит мать...»

Сапоги в колее дороги
Увязали, жижей давясь.
Вдруг разъехались в стороны ноги,
И упала мать прямо в грязь.

Улыбаясь, она лежала.
Задралось её платье с боков.
И похабно над нею заржала
У пивнушки толпа мужиков.

И тогда зарыдала девчонка!
Всё терпенье иссякло к концу.
И вдруг стала худою ручонкой
Мать хлестать по тупому лицу!

«Ты слышишь! Мне стыдно, мама!
Лучше умри! Не пей!»
А мать ей в ответ кивала:
«Убей меня, дочка, убей!»

Гогот пьяных в толпе стал глуше.
А потом и совсем затих.
Видно, что-то проникло в души.
Опустились глаза у них.

Одного же перекосило.
С сердцем бросил он, искривясь:
«Господи! Мать Россия!
До чего же ты допилась!»

1985

ДРУГОЙ

Поэту Александру Стовбе

Я не служил в Афганистане
От гибели на волосок.
Другой был под Гератом ранен
И кровью поливал песок.

Другой в Пяндшире лучшим другом
Был вынесен из-под огня.
И перетягивали туго
Культию жгутом не у меня.

Не я – другой домой вернулся
В холодном цинковом гробу.
А я опять живым проснулся.
Что сетовать мне на судьбу?!

Но смотрит на меня с портрета
Погибший там ровесник мой.
И жгут меня глаза поэта
Той необъявленной войной!

1986

ЗАБЛУДШАЯ ДУША

Я помнил Бога по глазам
От горя почерневшей фрески.
В склад тары обращён был Храм.
В него я пробирался в детстве.

В глазах Христа нет блеска смеха.
Там сотни лет одна лишь грусть.
Я в них смотрел и слушал эхо
Твоих молитв и плачей, Русь!

Храм на холме стоял веками...
И в небо он вознёс свой крест,
Когда воцарствовал над нами
Господь технический прогресс.

Как смерч – взметнулся к небесам
Столп из огня, камней и пыли!
А там, где был когда-то храм, –
Стоянка для автомобилей.

Душа заблудшая пуста.
По полю катится к отрогу.
Как ей, забывшей про Христа,
Найти свою дорогу к Богу?

1986

ЩЕГЛЁНОК

*Мне на плечи кидается век-волкодав.
О. Мандельштам*

Такая уж была пора.
Певцы равнялись на усы.
И слизывали с топора
Кровь на морозе, словно псы.

Потом под грай вороньих стай
Картаво каркали: «Вра-ги!»
И с корнем вырывала сталь
Прилипшие к ней языки.

Щеглёнок воронам не в масть.
Он в клетке. Песня его спета...
Но век сломал стальную пасть
О хрупкую гортань поэта!

1987

ОТРЕЧЕНИЕ

Хлестал прожектор плетью!
Стоял над Зоной стон...
Ей снился на рассвете
Один и тот же сон.

Глухая ночь ареста.
За окнами – гроза.
Удар в лицо: «На место!»
И мальчика глаза.

Как в китель он вцепился:
«Не смейте маму бить!»
А тот в ответ скривился:
«Волчонка прихватить».

Блеск молнии как вспышка.
А по лопаткам – дрожь.
Так в этот миг мальчишка
Стал на отца похож.

Кремнёвая порода!
.....
Как смог он написать?!
«Жена врага народа,
Ты для меня не мать!»

1987

ПАМЯТИ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

Всю ночь идёт допрос с пристрастьем.
Шьют дело. Пухнет толстый том.
У этого – в пенсне – из пасти
Живым не вырвался никто.

«Что на тебе? Поэта маска!
Улыбочку свою утри.
Смотри – кулацкая закваска
Заколобродила внутри.

Ах! Жеребёнок-сосунок,
Ты захотел казацкой воли?»
Почётный чёрный воронок
Остановился в чистом поле.

Располосована рубашка...
«Да! Был я парень ножевой», –
Разбитым ртом смеялся Пашка,
Тряхнув кудрявой головой.

В упор всадили в грудь поэта
Пять пуль – свинцовый гонорар.
Налилось соком бабье лето.
Был классовой борьбы разгар.

1988

ДВА ПОРТРЕТА

Время всё рассказать
во весь голос заставило.
Словно лобное место
витрина киоска.
Как о скалы, о скулы
товарища Сталина
Бьётся сорванный крик
Володи Высоцкого.
«Пачьём у вас вождь?
И пачьём поэт?» –

Интурист
бросил баксы на блюде.
Усмехнулся в ответ
из киоска дед:
«Не продаются!»
«Отец! А зачем ты
поставил их рядом?»
Смерил старик меня
хмурым взглядом.
Спички зажал
обрубком культи,
Закурил, помолчал,
а потом просветил:
«Тот приказ знаменитый
“Ни шагу назад!”

Перед боем комбат
 прочитал на рассвете...
Косили нас гады
 за рядом ряд.
Мы назад повернули –
 свои тем же встретили.
Все знали:
 так приказал Верховный –
Отец наш кровный.
От пули своей
 умирать больней.
И, вжавшись в землю,
 меж двух огней,
Мы поняли,
 что пришла хана,
Когда от нас
 отказалась страна».
Рубаху за ворот
 рванул старик.
А знаешь,
 что нас подняться заставило?
Из глотки комбата
 сорванный крик:
“За Ро-ди-ну!
 За Ста-ли-на!”
Помню атаку я ту
 до сих пор.
Ржали гады над нами
 и били в упор.

“За Ста-ли-на!” – я и в санбате хрипел...
Чтоб народ о войне не судил по параду,
Голосами погибших Володя запел –
Пусть Верховный услышит солдатскую правду!»

1988

ПОХОРОНЫ ДЕДА

Бывают странные совпадения.
Они оставляют на сердце след.
Пришла из деревни в мой день рожденья
Телеграмма: скончался дед..
Я не забуду тот день в декабре.
Морозы тогда стояли под сорок.
Шли мы к кладбищу на горе.
Снег под ногами взрывался, как порох.
В поле нас встретил пронзительный ветер.
Обметала позёмка сугробов края.
От ледяного дыхания смерти
Как-то роднее вдруг стала родня.
И долго-долго смотрел нам вслед
Молоденький ельник, посаженный дедом...
Вот, говорят, в ногах правды нет.
А я бы мог поспорить об этом,
Вспомнив корявые корни-вены
Да пару разбитых солдатских сапог.
Из райбольницы после гангрены
Дед умирать вернулся без ног..
Гроб на плечах всплыл на гору, как лодка.
Захлебнувшись, замолк похоронный марш.
И в тишине причитала тётка:
«Папанька! Жалельщик наш!»
Небо высокое стало суровее.
Смертно белело поле окрест.
Вкопан был в мёрзлые комья надгробия
Комлем – дубовый обтёсанный крест.

КОГДА ЗЕМЛЯ ПОЛИТА КРОВЬЮ

(Рассказ летчика-афганца)

Когда земля полита кровью,
Она становится родной.
Разрывы отдаются болью!
И всё не оправдать войной.

Давно пора забыть о том бы.
Зачем кричать об этом всем?
Из люка вылетали бомбы
И падали в квадрат «07»

Всё из-за чёртовых туманов!
Мы перепутали квадрат.
Давно там не было душманов,
А были – школа и санбат.

Как нас ребята крыли матом!
(Будь проклят тот туман с утра!)
Махала сорванным халатом,
Рыдая, нам с земли сестра!

Как будто грянула расплата,
Когда мы «поразили цель».
Не стало школы и санбата.
Остались лишь куски от тел...

Нарыли мы могил-воронок,
Но память в них не схоронить...
Афганский мёртвый пацанёнок,
Ты сможешь нас за всё простить?!

1988

МЫ УХОДИМ ИЗ АФГАНИСТАНА (Письмо брата-афганца)

Мы уходим из Афганистана.
Обошла нас стороною смерть.
А незаживающая рана
Будет в сердце по ночам болеть.

Чёрными клубами отдымались
Бэтээры, на ветру горя.
Скажут: «Ничего вы не добились,
Только кровь свою пролили зря».

Пули самых лучших выбирали.
Никогда теперь нам не забыть
Тех, что нас собою прикрывали.
Ведь они хотели тоже жить.

Как к друзьям, в Афган мы приходили,
Только здесь стреляли в нас враги.
Что ж...Сполна ребята заплатили
«Интернациональные» долги.

Мы уходим из страны – солдаты
Так и необъявленной войны.
И как будто в чём-то виноваты.
В чём-то виноваты – без вины...

1988

ДРУГ С АФГАНА

Друг с Афгана пришёл седым.
Я смутился, его повстречав.
Орден Красной Звезды.
А в кармане – пустой рукав.

Перед ним оправдаться мне нечем.
Всё без слов понятно и так.
Пили молча. Потом под вечер
Мы пошли в Комсомольский парк.

Там в разгаре была дискотека!
Чуя в теле экстаза дрожь,
На площадке в конвульсиях брейка
Дёргалась молодежь.

Не жалели девчата краски.
Долетел и до нас моды крик.
Вместо лиц – африканские маски.
А Крутой был под панка обрит.

«О! Привет голубому берету!» –
К нам, вихляясь, он подкатил.
В орден ткнул – «За жестянку эту
Круто ты, как лох, заплатил.

Только, спрашивается, зачем?»
Друг ответил, в усмешке кривясь:
«Мне сейчас бы мой АКМ –
Я тебе объяснил бы, мразь!»

1988

ПОДРАНОК

Было «мудрым»
решение исполкома.
И гуманным,
на первый взгляд...
Среди белого дня
во дворе детдома
Убивали собак
на глазах у ребят!

За заржавленной сеткой
бродяги метались.
Западнёю для них
оказался каток.
Взвизгнув вдруг на бегу,
они в лёд утыкались.
По косматым телам
шёл предсмертный ток.

И инстинктом поняв,
что выхода нет,
Заскулив вдруг с предсмертной
тоскливою мукой,
Волоча за сосками
кровавый след,
Поползла к человеку
навстречу сука.

Понимая прекрасно,
 что всё бесполезно,
И от гибели верной
 ей не уйти...
Отчаянно вдруг
 из дверей подъезда
К ним метнулся детдомовец
 лет десяти!

«Ну, пожалуйста! Дядя!
 Не надо! Дядя!»
Как будто-то бы что
 изменить он мог.
Отшвырнул его в сторону
 «дядя», не глядя:
«Брысь,
 щенок!»

Но двустволку свою опустил
 хладнокровно,
Не спеша закурил,
 затянулся слегка.
И пожалел, как видно, –
 патроны.
Сапогами подранка
 добил в два пинка!

1988

ПОДКОВАМИ ПО ДУШЕ

Крики камень тюремный душит.
Потолок побелел, как мел.
Здесь ночами слова и души
Сапоги выбивают из тел.

На полу, захарканном кровью,
Ты прикрыла собой живот.
И точёной не дрогнув бровью,
Папиросу майор жуёт.

Он психолог и действует тонко:
«Я советую от души,
Если хочешь родить ребёнка,
То бумагу вот здесь подпиши.

Мужу ты ничем не поможешь,
А сыночка этим спасёшь...»
И взмолилась ты: «Господи! Боже!
Ты простишь меня и поймёшь»

По столу покати́лась ручка.
Клок бумаги сжала рука.
«Шутковать задумала, сучка!
В своей крови утопишь щенка!»

От сапог его некуда деться.
Всё подковами, да по душе.
В горле бьётся отбитое сердце.
А ребёнка не слышно уже...

ПРОЩЕНИЕ

*Меня, великого грешника перед
Родиной, сама Родина простила.
А. И. Куприн*

Снисходительно блудного сына
Принимала в объятия страна.
Иссякала былая сила
На чужбине у Куприна.

Скуден быт эмигрантских буден.
Сплетни – мухи в сетях паутин:
«О любви снова пишет Бунин.
И по-прежнему пьёт Куприн»

Колесом судьба переехала.
Не прижился среди парижан.
И всё больше походит на Чехова
Поседевший «татарский хан».

Лик России на панагии.
В горле – с пашни российской ком.
Волком выл он от ностальгии:
«До Москвы хоть сейчас пешком!»

По кровавому насту с хрустом
Босиком босяком нагим.
Что такое «шестое чувство»?
Любят Родину чувством таким!

Жить надеждой на возвращение.
Даже думать о том не смей...
Даровали ему прощение,
Дав на Родине умереть.

Даровала грехов отпущение
Благороднейшая страна,
Принимая за укрощение
Возвращение Куприна.

1990

ВETERАНЫ

Два ветерана в палате лежат.
Рядом им не случайно пришлось оказаться.
Хоть одному уж за шестьдесят,
А другому – всего лишь двадцать.

Затвердели рубцы на культе старика.
А у парня там – свежая кожа.
Но ампутированная рука
У обоих болит похоже.

Может быть легче та боль оттого
(Иль мучительней год от года),
Что есть День Победы у одного.
У другого – лишь день ухода.

Ветер теребит пустой рукав.
Ход ночи бессонной размерен.
Один, убивая, был праведно прав.
Другой уже в том не уверен...

Дым папиросный, как пули, свинцов.
Льёт за окном дождь весенний.
Хотелось им верить: в конце концов –
Война эта будет последней!

1990

УТРАТА

Давно за семьдесят ему,
А Ей – уж больше полувека...
Не верит больше никому
И молча пьёт солдат-калека.

Полтела потеряв в войну,
Как вынести утрату эту!?
Вначале отняли страну.
Потом – Победу...

ПОСЛЕДНИЙ ЮБИЛЕЙ

Деду

Наркомовских сто грамм
Мы у могилы пьём...
Не тронут твой стакан,
Накрытый сухарём.

Поклонимся в молчанье.
Утраты – всё острее...
Вот так и отмечаем
Последний юбилей.

1990

ИСТОКИ

В. Н. Крупину

Я родился в селе Архангельском.
Коренном, российском – не ангельском.
Там земная юдоль – не райская,
Церкви нет уже с давних пор.
Но родное село Архангельское –
Вот Архангельский мой собор.

Без молитвы душа томится.
Без истоков мелеет река.
И пора мне к ним возвратиться,
Чтоб увидеть родные лица
И святой водой причаститься
Из Михайлова родника.

1991

КРЕЩЕНЫЕ

Меня крестила бабушка мальцом
Тайком от матери с отцом
И под подушку положила крестик.
Не он ли мне сейчас во мраке светит?!
Дожившему до возраста Христа –
Без веры, без надежды, без креста...
По звёздам, как по утренней росе,
В конце концов придём мы к Богу все.
И я за то, что всё же был крещён,
Быть может, буду Господом прощён.

1991

МОЛИТВА

Помню, я смеялся над бабкой,
Уверял её: «Бога нет!»
И крестилась она украдкой
На божницы закатный свет.
Так бывало: лишь рассвело,
Я глаза открывал: «Да спи ты!» –
Бабка день начинала с молитвы
И молитвой кончала его.
И мне это смешным казалось.
С той поры прошло много лет.
Одна в доме она осталась.
Все разъехались. Помер дед.
Детство светит магнитным светом.
По нему сверяем судьбу.
Потому пришёл за советом
Я в родную свою избу.
Поклонившись с порога бабке,
Шапку снял я и, сев на скамью,
Под иконами в красной рамке
Всю родню увидал свою.
В притолоке качнулось,
Тихо скрипнув, для зыбки кольцо.
И знакомо вдруг усмехнулось
Мне со снимка моё лицо.
За окошком метель бесилась.
Тёмен ликом был скорбный Спас.
Здесь святая душа молилась
За её позабывших – нас.
Богоматерь смотрела с мукой.

Сердце сжалось от боли в комок...
Помолись, родная, за внука.
Чтобы верой спастись он смог.

1991

РОДНИК

Я воду пил из родника,
Обняв замшелый сруб.
Срывались каплями века
С моих дрожащих губ.

И на меня смотрела Русь
Из бездны, словно миф.
На материнский лик молюсь,
Колени преклонив.

Исток обжѐг устами струй
Горючих русских слѐз.
Земли родимой поцелуй
Так я в душе унёс.

1991

РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ

Ветер флаги ветвей полощет.
Скован холодом неба гранит.
На юру у берёзовой рощи
Русский мальчик в матроске стоит.

Русь его наполняет светом.
Дождик каплями крестит грудь.
Станет мальчик русским поэтом
И отправится в крестный путь,

В страшный мир, что для сердца тесен,
По кровавым идя следам.
Там Христа распинают бесы:
«Мне отмщенье, и аз воздам!»

Бога нет – так и спрашивать не с кого.
Русь – заваленный трупами ров.
Это мальчики Достоевского
Разрешили «по совести» кровь!

По степи летит – не угнаться –
Кобылица без седока.
А за нею идут двенадцать.
У Петрухи не дрогнет рука.

Хрипло крикнет: «Огонь!» – Юровский,
Целя в сердце России всей.
И у стенки застынет в матроске
Мальчик с именем Алексей.

1991

РАССТРЕЛ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Пришла Свобода в облике зверином!
Оскалила по-людоедски рот.
Клин журавлиный – выбивая клином,
Поэтов лучших убивая влёт.

Стал первым – написавший «Капитанов».
Своей усмешкой наводил он страх.
Изрешетив затылок из наганов,
Поэта превратили в прах.

Умыли руки кровушкой гусарской.
Стал ни к чему крылатый серафим.
С чеканенной свинцом посмертной маской
Эпоху закопали вместе с ним.

Всё оправдает благо человека.
Умяла землю «Яблочком» ЧеКа...
А нам расстрел серебряного века
Не замолить и не простить века!

1991

МОЛЧАНЬЕ

Расстреляли отца... И сына
Обрекают на жертву Богу.
В чёрной шали за ним Россия
Поднимается на Голгофу.

Гвозди сыну вбивают в ладони –
А вонзаются – матери в сердце!
Упадёт на колени! Застонет!
Ей от мук никуда не деться!

Что ж молчит она!? Вот проклятье!
Не забыть нам молчанье это...
Как до боли похож на распятие
Чёрный крест на могиле поэта.

1991

КАИНОВА КАЗНЬ

Колесованье красным колесом.
Четвертованье распрями и розню.
Грех Каина на душах мы несём.
Русь погубили дьявольские козни.

Сам Сатана, наверно, а не Бог,
Нас, как своё подобие слепил.
И, братьев приголубив, Святополк,
В зеницы их целуя, ослепил!

Засох на скулах след кровавых слёз,
Что вытекли из выколотых глаз.
И отступился поводырь – Христос
От окаянных ослеплённых нас!

1991

КРЕСТ НА РОССИИ

Нет ни горше страны, ни родимей,
Горе горькое с нею мы пьём.
И в двадцатом веке Владимир
Русь крестил перекрёстным огнём!

Диктатурую и декретами
Зачинались рознь и резня.
И была пулемётными лентами
Перекрещена матросня.

Показалось, что крови мало
(Приравняли её к вину).
Из ипатьевского подвала
Она хлынула на страну.

В той крови утонула идея.
В Чрезвычайке распяли Христа!
И, от выпитой крови балдея,
Русь осталась с крестом без креста.

«Ветер! Ветер! На всём божьем свете!»
Знать, недаром по-волчьи ты выл.
Русь распятием Господь отметил,
Только вот воскресить забыл.

1991

ВЕЧНАЯ РОССИЯ

И. Глазунову

Беспамятство гнетёт, как тяжкий сон.
Колесованье красным колесом.
Четвертованье распрями и рознью.
Грех Каина на душах мы несём.
Русь погубили дьявольские козни.

По номерам, как в лагерном строю,
Мы узнаём историю свою.
И проступают лики вместо пятен
Всех мучеников веры и идей –
Их осенил Христос своим распятием...

1991

ПРОКЛЯТЬЕ

С нами было всё это когда-то!
Брат – на брата! На сына – отец!
И опять наступает расплата
Для обманутых русских сердец.

Подшутили над людом люто –
«За имперскую платите спесь».
А оставшимся без приюта
Остаётся хоть в петлю лезть.

Апокалипсисом России
Будем сыты по горло вновь.
И на лысине у мессии
Запечётся народная кровь.

Русь затопят кровавые реки!
А дерьмо будет плавать в них...
Пусть же прокляты будут навеки
Совратившие малых сих!

1991

ХИРОСИМА РОССИИ

Россия – полигон идей.
Один сплошной Семипалатинск.
Распадом душ своих детей
За все эксперименты платим.

Глаза косили у мессии,
Когда сулили рай уста.
Стал Хиросимой для России
Распятый взрывом Храм Христа!

1991

ХРАМ И ХАМ

Храм полыхает с четырёх сторон,
А Русь в похмельный провалилась сон.

Пошёл огонь гулять по куполам!
Прислушайся, народ, к колоколам.

Без звонарей они ударили в набат.
Ну, а в ответ лишь храп да хриплый мат.

Россию материт и так и сяк,
С утра залив глаза, Иван-дурак.

Храм запалил он с четырёх сторон,
А Русь никак стряхнуть не может сон.

Дошла душа до нищенской сумы.
На пепелище – погорельцы мы!

А там, где был России Божий храм, –
Ликует, торжествуя, наглый Хам!

1991

МЯСО ПО ТАЛОНАМ

Студнем стыла на морозе масса
Монолитно спаянных людей
До восьми у магазина «Мясо».
«Надо чем-то нам кормить детей!»
Так инстинкт становится законом.
(У меня ведь тоже кроха-сын).
Дверь открыли... «Мясо по талонам!»
Как народ ломился в магазин!
В век всеобщего подорожанья
И поминовенья всех святых –
Локти – вот оружие выживанья!
Можно в морду! Можно и под дых!
По талонам мясо продавали!
Баб с пути сметали мужики!
И свиные хари хохотали
Над людьми, оскаливши клыки!
Грянул час «раздачи» и расплаты!
Топоров раздался дробный туш.
Мясников кровавые халаты
Занялись разделкой наших туш.
С голоду собака злее волка!
Торг пошёл. Уж тут не до любви...
«Задавили моего ребёнка!
Господи! Людей останови!
Ироды! Да что вы натворили!»
Вопль заставил посмотреть назад.
Кипятком плеснувши, обварили
Матери безумные глаза!

И по душам, как на скотобойне,
В тишине ударил шока ток!
Столько муки было в детском стоне...
И толпа увидела у ног –
Умирает на полу бетонном
Маленький распятый человек...
Продавали мясо по талонам.
На исходе был двадцатый век.

1991

СОЖЖЁННАЯ «ТРОЙКА»

Да! Весёлым времечко то было!
И народ «поили» на убой.
Став трактиром, «тройка-Русь» застыла,
Впавши вместе с кучером в запой.

И не стало мочи им по полю
Пронестись со свежим ветерком.
Так на пойло променяли волю
«Тройка-Русь» с Иваном-дураком...

Кровью озарился лик России!
Водкой не залить былых грехов.
Нехристи свой лоб перекрестили
И пустили красных петухов.

Сыпануло искрами кресало.
На дыбы взметнулись три коня!
Из сожжённой «Тройки» воскресала
Русь, как птица Феникс, из огня.

1991

РОДНИЧОК

Держу я сына на руках.
И душу обжигает страх.

«Какой достанется Россия
Ему?» – у тьмы ночной спросил я.

Нет больше Родины–семьи.
Одна причина бед семи.

Но с родничка на головёнке сына –
Берёт исток моя Россия.

1991

КОРОЛЬ НЕМОГО СИНЕМА

Памяти Ивана Мозжухина

Всё могут высказать глаза,
Когда они до смерти живы.
Грим старости прожгла слеза.
Увы, слова, как слава, лживы.

Жизнь стала отблеском костра.
Присыпал веки сизый пепел.
И ностальгии боль остра:
«Я заживо схоронен в склепе.

К финалу фильм подходит мой.
Я смерть играю в кинодраме.
А на стене, как на экране,
России силуэт родной.

Погосты, посох да сума.
Темнеет смутное виденье...»
Так умер в нищей богадельне
Король немого синема.

1991

ПРЕДТЕЧА

*То Китеж новый и незримый.
Н. Клюев*

Стоял на паперти средь нищих и старух
Поэт без шапки, словно скорби дух.

И пересохшие раскрыв уста,
Просил он милостыню именем Христа.

А снег кружился пеплом Погорельщины
Перед глазами верящими – вещими:

«Покуда Русь распята на кресте, –
Лежать Жар-птице в вечной мерзлоте».

Но Китеж прозревал в небесной сини
Предтеча воскресения России!

1992

В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

Не в Вифлееме – за тысячу вёрст –
В русской деревне родился Христос.

Не в сказке евангельской, а наяву
В Богом забытом селенье – в хлеву.

Плавно вздымались сугробов холмы.
Волки голодные выли из тьмы.

Издалека шли с дарами волхвы
На свет звезды и по следу молвы.

Грудью кормя, улыбалась Мария.
Сила незримая дверь отворила.

И, узнавая родимую плоть,
Благословил Русь святую Господь.

1992

МАРИЯ

Россию распри истерзали!
Судьба на муки обрекла.
И беженкою на вокзале
Мария сына родила.

И молча милостыню просит,
Ребёнка замотав в тряпьё.
Бывает, мелочь кто-то бросит,
Наткнувшись на глаза её.

Они бездомны и бездонны.
Их солью выела беда!
Нет молока в груди Мадонны.
И нечем ей вскормить Христа.

1993

ГОЛГОФА

Босыми ногами по русскому снегу
Ступая, Христос поднимается к небу.

Крест тяжек. И с хрустом ломается наст.
И что-то в ответ обрывается в нас.

В едином порыве воскликнем: «О, Боже!
Как наша земля на Голгофу похожа!»

Дымится заката кровавая плаха.
Стоим мы толпой, застывая от страха.

Как зной, обжигает крещенский мороз.
С распятым идёт по России Христос.

1993

ПЛАЩАНИЦА-БЕРЕСТА

Ножами вырезали грудь,
Но выжила берёза-Русь.

И плащаница-береста
В себя впитала кровь Христа.

Срывает ветер заусенцы,
Живое открывая сердце.

Берёза-Богоматерь-Русь!
Я к ней душою прикоснусь.

И сквозь молочную кору
Россию-боль в себя вберу.

1993

ОТКРОВЕНЬЕ

Ветер вечности книгу листал
И открыл откровенье Мессии:
«Это будет в канун Рождества.
Загорится звезда над Россией.

Золотая святая звезда
Над таинственным пологом синим.
Совпадёт ночь рожденья Христа
С Днём рождения новой России!»

1993

СУХАЯ СТЕРНЯ

В поле боли стою.
И сухая стерня
Душу ранит мою,
Как гвоздей остря.

Под колючим дождём
На колени склонюсь.
Я к тебе пригвождён,
Как к распятию, Русь.

1993

БЕРЕМЕННОЕ СМЕРТЬЮ ВРЕМЯ

Закушен посиневший рот.
Слезами выбелены волосы.
Нет! Не от иродства аборт –
От нищеты и безысходности!

С корнями вырванное семя
К груди иссохшей не прижать.
В беременное смертью время
Не хочет женщина рожать,

Чтоб сыновья сошли с ума,
Делясь на «красных» и на «белых»...
В пустующие роддома –
Сирот поселят престарелых.

1993

ДВУПЕРСТИЕ

Снег морозно визжит под полозьями.
Юродивый в рубище крестится истоиво.
Цепями звоня, черница Морозова
Шлёт в народ проклятья Антихристу.

Очи в обводьях горят иступлённо!
Стала веригами старая вера.
И раскололась Русь, как икона,
Вся – от царя до последнего смерда.

«Знать не по ндраву боярыне дровни», –
Дьячок в бородёнку ощерился – бестия...
Но выше Ивановой колокольни
Вознеслось восковое двуперстие!

1993

В ПУТИ

Надрывается в крике ребёнок.
Напевая, баюкает мать.
Голос русской Мадонны негромок.
Грудь дала, и стал плач затихать.

Воя, в гору ползёт наш «пазик».
В нём народу, как в бочке сельдей.
Мой сосед возмущается: «Разве
Здесь считают нас за людей!

Так скотину не возят на Западе.
Всех подряд шоферюга берёт.
Мелочь мелочью, только так, поди,
На бутылку и наскребёт».

«Что поделать. Всем ехать надо.
Мы потерпим. Нам не впервой», –
Улыбнулась женщина рядом.
А сосед затряс головой:

«Настоящего нет Хозяина,
Потому разболтался народ.
Без узды оставлять нельзя его –
Разворует всё и пропьёт.

И куда ты едешь, Расея?!» –
Мертвечиной от слов разит.
В грязь весеннюю капли сея,
Дождь из серых туч моросит...

Откликнувшись юродиво,
Знаю, выйдет он и пропадет.
За окном останется Родина.
А вокруг меня – мой народ.

1993

ПОСЛЕДНЯЯ СВЯТЫНЯ

О гибели гундосит гнусь!
И кружит коршун над полынью.
Душой хватаемся за Русь,
Как за последнюю святыню.

Во времена великих смут
От боли Родина дороже.
И ждёт нас самый страшный суд,
Если спасти её не сможем!

1993

ПЕРЕЛОМ

Конъюнктурою стала чернуха.
Сплошняком пошёл негатив.
Все изгибы больного духа
В окаянную плоть воплотив.

Не от комы ли – в горле ком?
Под дождём радиации вымок
Стих мой – чёрный рентгеновский снимок,
На котором – души перелом.

1993

ИСХОД

*И в небесах я вижу Бога.
М. Ю. Лермонтов*

Огромной огненной купелью
Кипел полночный небосвод.
Поэт не спал перед дуэлью –
Предчувствовал её исход.

Свеча погасла на рассвете.
Растаял пепел без следа.
И что писал он перед смертью,
Мы не узнаем никогда.

Какие строки родились
Под чёрным дулом пистолета?
На сердце кровью запеклись
Последние стихи поэта...

Судьбе доверился он слепо.
И роковой замкнулся круг.
Упав на землю, обнял небо
Раскинутым изломом рук.

Открылась звёздная дорога
К вершине тверди голубой.
И в миг последний образ Бога
Поэт увидел над собой!

1994

ВЕРА

Половодьем разлился закат вдалеке.
Я с крутого обрыва спустился к реке.

И увидел, как вдруг от прощальных лучей
Загорелись на вербе сердечки свечей!

Протянул к ним озябшего сердца ладонь –
И согрел меня верой их мягкий огонь.

1994

ЗАКАТ

Оплавилась рябин кусты.
Закат. Сугробы и кресты.
В могилах – бабушка и дед.
Я не был здесь уж тыщу лет.

Горю на медленном огне
И голову клоню повинно.
Как захлестнула сердце мне
Оборванная пуповина!

1994

СТАРЫЙ ДОМ

Подкатил мне под горло ком.
Вновь я вспомнил родимый дом.

Покосилось его крыльцо.
Почернело для зыбки кольцо.

По-старушечьи сгорбилась матица.
И моя жизнь под гору катится.

Вспомнил я на закате дня,
Как гуляла моя родня!

Дом для праздников был не тесен.
Сколько спели в нём русских песен!

Годы шли... И в последний раз
Он собрал на поминки нас.

Смертным холодом печка дышит.
Оседает могилой крыша.

Умер дом, как родной человек.
И занёс его окна снег.

1994

СОН

Этот сон приснился мне опять:
В чёрном платье умирает мать.

Её стоны эхом множит ночь.
И не в силах я ничем помочь.

Нищета больничная убога...
И молил я помощи у Бога,

Позабыв о том, что атеист...
Надо мною свечи звёзд зажглись!

И увидел я незримый лик.
И затих вдруг материнский крик.

Этот сон приснился мне опять:
Умирает, умирает мать...

1994

ЯЗЫЧНИЦА

*И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.
М. Цветаева*

За нрав строптивый, непреклонность и гордыню
Господь не миловал «болярыню» Марину.

Язык язычницы рябины – рыж.
«В Тмутаракани ты костром сгоришь!»

На эшафот взошла в сенях дощатых.
«Благодарю и не прошу пощады»

Лицо землисто от родной землицы.
У нас поэты все – самоубийцы.

Им скалятся могил гнилые пасти.
Ведь смерть всегда подыгрывает власти.

Рукой подать до неба от земли.
На крыльях душу возносили журавли.

Свечою на ветру горит рябина.
Мир праху твоему, язычница Марина.

1995

НЕОПАЛИМАЯ ПОЛЫНЬ

Сгорает Родина в огне
Неопалимою полынью.
И в зареве над синей стынью
Вздымает ветер пепел – снег.

Бинтует милосердно снег
В полях проталины, как раны.
Пусть кровью захлебнётся век –
За Русь молиться не устану!

Глотая горя горький дым,
Всё вынесем и всё осилим...
На сердце тая, снег России
Согреет холодом своим.

1995

ГОРЬКАЯ ПОБЕДА

Мой дед не любил вспоминать о войне.
Забывшись, ночами стонал он во сне.

Сердце изранили грани осколка.
От боли ему помогала махорка –

По-солдатски крепка и горька.
С самокруткой однажды застыла рука...

Нет! Не рассказывал он о войне.
Знать от того мне горше вдвойне,

Что и безвременной смертью деда
Оплачена горькая наша Победа!

1995

ИМЕНА

Молчаньем пропуски мы отмечаем в списках
И головы склоняем у знамён.
Война не кончилась, пока на обелисках
Мы написать не сможем всех имён.

Солдат прошили пули, словно гвозди,
Навек прибив к распятию земли.
Их души безымянные и кости
Покоя до сих пор не обрели.

В могилах братских брат обнимет брата.
Вздохнёт и успокоится земля,
Когда узнаем, как зовут солдата,
Что похоронен у стены Кремля.

1995

ЗВЁЗДЫ ИЗ ЖЕСТИ

На Великой войне потеряли мы близких.
Что осталось от них на земле? Обелиски!

Пирамиды из досок и звёзды из жести.
Нет ни выше наград, ни почётнее чести.

Салютует им майскою ночью гроза!
Просветлённые мы поднимаем глаза.

Чтоб навеки всех павших никто не забыл,
С неба светят нам звёзды солдатских могил.

1995

ЕСЕНИНСКАЯ ОСЕНЬ

Вот и нас есенинская осень
Осенила золотым крылом.
Всё заметней заморозков просесть.
И грустим всё чаще о былом.

Утонула в сумерках дорога,
По которой молодость ушла.
Как листок, трепещет одиноко
На ветру продрогшая душа.

Что ж. Выходит, наша песня спета...
Пусть наступит холодов пора, –
И согреют грудь стихи поэта,
Как тепло осеннего костра.

1995

ТЕНЬ ПОЭТА

Кто же поэту перерезал вены?
И чей сапог опору выбил из-под ног?
Молчат забрызганные кровью стены.
Как кляп, закушен языка комок.

В окно пробился синий свет рассвета.
На землю падал белый-белый снег.
А на стене качалась тень поэта –
В ту ночь казнён был чёрный человек!

1995

ЖИВОЙ

Над Россией в зареве осеннем
Заклубился чёрной тучи дым.
Не застыл, как памятник, Есенин,
А живой вернулся к нам – живым.

Нет, не все пока еще предали
Мы в себе, банкнотами шурша.
И из пепла на Тверском бульваре
Вновь воскресла русская душа!

Буйная, как непокорный ветер,
Просветлённая, как ясный день,
Вплотилась Русь в своём поэте
Вся – в святой и грешной простоте.

1995

ВЕСЕННИЙ ПРИЗЫВ

Остриженные тополя
Затылками блестят.
Тобою затянулся я,
Последний бросив взгляд.

Вдруг всё в груди оборвалось!
Так поцелуй обжёт...
И горький дым твоих волос
Глаза мне заволок.

1995

ЗАТМЕНИЕ

*О, Русская земля!
Уже ты за холмом!
Слово о полку Игореве*

Солнце мрачное над нами.
Придавила мгла поля.
За высокими холмами
Скрылась русская земля.

Полководцы – горем славны.
От полков – курган голов.
Не дождутся Гореславны
Из похода женихов.

Расплескало поле боли
Синие озёра глаз.
И из них напился вволю
Чёрным вороном Кавказ.

Чернобыл склонился с грустью.
Прах развеяли ветра...
Вновь затмение над Русью.
Ночь – с утра и до утра!

1995

УЛЫБКИ МЁРТВЫХ СЫНОВЕЙ

Страшнее год от года беды.
Как траур, тучи над страной.
Кто знал, что юбилей Победы
Отметим новой войной?!

Чтоб доказать в упорстве русском –
Крепка Отечества броня!
И запеклась кровавым сгустком
На карте родины Чечня.

Нельзя по родинкам узнать
Ребят, сгоревших в Грозном в танках.
Но ищет, ищет сына мать
Средь неопознанных останков.

В крови мальчишеские лица.
Которое из них родней?!

.....

Пусть их убийцам сон приснится –
Улыбки мёртвых сыновей!

1995

ГОРЕ

В горле – горько и сухо.
Не вырвется крик.
У дороги старуху
Хоронит старик.

Он отстал от колонны,
Что ушла на Моздок.
Вот и вырос безмолвно
Снежный холмик у ног...

И метель только выла
Среди гор и степей,
Где седых позабыла
Мать-Россия детей.

1995

ОСКОЛКИ

Идёт по Грозному девчонка
На самодельных костылях.
Худые ноги жеребёнка,
Как в гипсе, в спёкшихся бинтах.

Нет промедола! «Прима» глотки
Сжигает зноем анаши...
А как извлечь из глаз осколки?!
Извлечь осколки из души...

1995

НАГРАДА

«Кому нужна война?» – вопрос
Не к тем, кто воевал...
Награду в госпиталь принёс
Лощёный генерал.

Молчишь, его не веря лжи,
Сквозь ад Чечни пройдя...
И кровью запеклась

Мальчишеской души
культя.

1996

РАНИМОСТЬ

Молюсь в лесу осинам синим.
Берёзам золотым молюсь.
От них – вся трепетность России
И светлая святая грусть.

Молюсь рябинам я багряным.
Губами тихо прикоснусь
Я к их сердцам – открытым ранам.
От них – твоя ранимость, Русь.

1996

РУССКИЙ СНЕГ

Я родился в декабрьский мороз,
Когда сыпались звёзды с берёз,
И сугробы вздымались до неба.
Как снежок, я был слеплен из снега
В час, когда вызревала заря,
Снегириною грудью горя.
И качала седая метель
Светлый месяц – мою колыбель...

Так сквозь радость и сквозь беду
Я по снежному полю иду.
Пусть калечит кровавый век.
Душу лечит мне русский снег.
Приложу я снежинки к глазам.
И откроется жизнь слезам.
Снег – небесная благодать.
Снегом мне б после смерти стать...

1998

ПОЛЫНЯ

В метель собьётся конь с дороги,
И вспомню я тогда о Боге,

Когда с обрыва рухнем мы
В кипящую пучину тьмы!

Локтями изломаю лёд.
И глотку олово зальёт.

Затянет рана-полынья.
Россия – Иордань моя!

Приму крещение в крови.
В горячей захлебнусь любви.

И звёзды, как глаза коня,
Из бездны позовут меня.

1999

РОСА ВЕКОВ

Плывут по степному небу
Курганы степных облаков.
О, жизнь моя! Быль или небыль?
Как ветер, я пел без слов.

Господь! За грехи помилуй.
В душе ведь язычник я.
Но только, прошу, в могилу
Не зарывать коня.

Не надо посмертной славы.
Не надо казней казнить.
Пусть склонятся русские травы
Росою веков омыть.

Я чистым душою стану.
И, смерть отряхнув, как сон,
В рост, трижды убитый, встану,
Росою веков оживлён.

1999

ПОЛЫНЬ

С холма окину взглядом склон.
Волнение душу заколышет.
Полынь взяла меня в полон.
Она вселенским горем дышит.

И боль от времени больней.
Ее не вырвать, словно жало.
Родную землю до корней
Обжѐг огонь степных пожаров.

Где билось полымя – полынь.
Седое поле – пепелище.
Полынь – куда глаза ни кинь.
Над ней по-скифски ветер свищет.

Сорвѐшь полынь – и сам не свой.
В жару, как погорельцу в стужу,
Святой и горькою тоской
Полынный дух сжигает душу.

1999

РУССКАЯ СКАЗКА

Я с небес в степное разнотравье
Соколом у камня упаду.
Словно вёрсты – крылья разметаю.
И на росы расколю беду.

Обернусь я молодцем плечистым,
Оседлаю доброго коня.
Три дороги есть во поле мглистом.
Каждая дорога – для меня.

Нас на то и матери рожали,
Чтобы в путь опасный провожать.
Заповеди каменной скрижали
Наугад Ивану выбирать.

Мёртвого меня живой водою
Старый ворон сможет воскресить,
Чтобы я с царевной молодою
На пиру смог мёд и пиво пить.

Все мы, люди русские, по сути
Сказочной мечтой в душе живём.
Только Русь, как витязь на распутье,
Замерла в раздумье роковом.

Воронье тучи над полями.
Кровью налились глаза росы...
Сыновья полёгшие – костями
Насмерть в землю русскую вросли.

1999

СВЕТ ЗВЕЗДЫ

Заблудился я ночью в поле.
От усталости в снег валюсь.
И душе, замёрзшей до боли,
Перед смертью пригрезилась Русь:

Покосившийся дом родимый.
В древнем срубе святой родник.
Над могилой – огонь рябины.
Материнский скорбящий лик.

Соль земная слезы горячей.
Грозовые зарницы во тьме.
И крестом осветивший тучи
Русский храм на высоком холме –

Душу мёртвую воскресили!
Потеплело в моей груди...
Свет далёкой звезды – России
Сбиться мне не даёт с пути.

1999

СВЕЧА

*Сбились мы. Что делать нам!
А. С. Пушкин «Бесы»*

Русский храм – свеча из воска.
Света горестная горстка.

Сквозь века, метель и тьму
Мы идём, идём к нему.

Ослепил глаза буран!
«Сбились мы. Что делать нам?» –

Не видать ни зги окрест.
Осенит нас звёздный крест –

И засветится дорога.
Русь – свеча в руке у Бога!

Не задуть её ветрам.
Светит душам русский храм.

2000

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Стал я тенью среди бела дня –
Не узнала родина меня.

Не признала вещая старуха,
Кашляя надрывно, тяжко, глухо.

Обрывалась древняя стезя.
А мне жить без родины нельзя!

Долго мне она смотрела вслед.
Оглянулся я – и вспыхнул свет!

Так пронзила молния меня
И остался пепел от огня...

Чёрной тучей за клубится тьма.
Зарокочат грозные грома!

Бездною разверзнутся поля –
Но не примет мать – суха-земля.

Как отец, сурово глянет небо.
Онемею от его я гнева.

И закрутит смерч на вольной воле
Мою душу – перекаати-поле!

2000

ПОЛЕ БОЛИ

О, бескрайнее русское поле!
Поле брани и поле боли,

Здесь тоски журавлиный клин
Так пронзить может грудь один.

Здесь в могилах глубоких ран
Безымянных не счесть семян.

Нараспашку душа у пашни.
Обнажаются корни наши.

А до неба путь так далёк...
Сердце смяв, как земли комок,

Упаду я на полпути –
Поле боли не перейти.

2000

СУМЕРКИ

Всё меньше вешнего тепла.
Всё больше холода осеннего.
«Ну что же ... молодость прошла» –
Вновь вспоминаю я Есенина.

Сгустились сумерки в душе
В морозный вечер одиночества.
Мируюсь со многим я уже.
И многого уже не хочется.

Скудеет в чувствах человек.
Душа, как почва, замерзает.
Лежит на сердце первый снег.
И он теперь уж не растает.

2000

ВЕТЛА

Праматерь – старая ветла
Под окнами родного дома
Морщиной каждою была
На ощупь с детства мне знакома.

Её я гладил по коре.
Шершавого тепла касался.
И ветер времени в дупле
Протяжным эхом отзывался...

Вновь к материнскому стволу
Я через годы прижимаюсь.
Преданий слышу древний гул
И сердцем с деревом срастаюсь.

Тот отзвук в памяти храня,
Душа б для слова не созрела
Без обращения к корням
У векового жизни древа.

2000

ИСКУПЛЕНИЕ

Метели путь мой заметали,
Но вывел к дому огонёк.
Меня встречая, в чёрной шали
Старуха вышла на порог.

Пустила молча на ночлег
И постелила, словно сыну,
И понял я её кручину,
Как самый близкий человек...

Нисходит озаренье свыше,
Когда сбивает вьюга с ног.
Вдруг голос матери я слышу:
«Вернись на родину, сынок».

Пусть тучи нависают низко,
Я вижу в темноте огни.
Иду с молитвой материнской –
«Сынок, Господь тебя храни!»

Когда дороги жизни пройдены,
Тогда дойдёшь до глубины.
И возвращение на родину,
Как искупление вины.

Святому поклонюсь распятию
И на родной порог взойду.
И на колени перед матерью
Я блудным сыном упаду...

Куда б судьба не заносила,
Вернусь в родимое село.
Там светит мне звезда – Россия.
И от неё душе светло.

2000

ОБЕРЕГ

Ой ты, русская берёза.
Нету дерева родней.
На твоих морщинах слёзы,
Как у матушки моей.

Вспомни, старая берёза,
В мае молодость свою.
В час черёмухово-звёздный
Подпевая соловью.

Вновь к тебе ведут все тропы.
Веткой отведи беду.
Я к твоим коленям тёплым
По-сыновьи припаду.

Пусть нависли тучи грозно,
Но не сгинешь ты вовек,
Светлая душа – берёза.
Материнский оберег.

2000

ПОДОРОЖНИК

У дороги растёт подорожник
От росы предрассветной седой.
Если кто-то в пути обезножит,
Исцеляет он силой земной.

Мать-земля оберегом с детства
Так отводит от нас беду.
Лист с прожилками, словно сердце,
Осторожно на рану кладу.

Полегчало – и слава Богу.
И не так уже страшен нарыв.
А наутро опять в дорогу,
О страданьях былых забыв.

Подорожник останется в поле,
Где татарник, ковыль и осот.
Если душу сведёт от боли,
Её сердце земное спасёт.

2000

ЮЛОВКА

За берег твой высокий
Судьбу благодарю.
Мальчишкой босоногим
Я здесь встречал зарю.

Жизнь познавать я начал
В затоне ясных дней,
Когда с отцом рыбачил,
Когда купал коней.

Милей на свете места,
Душа, ты не нашла.
Смеётся речка детства,
Петляя, как юла.

А мама молодая
Полощет в ней бельё.
И, тополь огибая,
Река поёт своё.

Таким счастливым не был
Нигде я никогда.
Здесь ласточкою в небо
Нырнуть бы навсегда

С высокого обрыва –
И кануть на века...
Лишь облако бы плыло.
Лишь бы текла река.

2001

ЧЁРНЫЙ ОМУТ

Нет для ветра узды?
Так хватайся за гриву.
Тянет страх высоты
Арканом к обрыву!

Я над бездной замру.
Помяните – кто помнит.
Крылья рук заломлю
И нырну в чёрный омут.

Разорвёт крик немой!
Сон страшнее, чем явь.
Окрылённой душой
Ночью – по небу – вплавь.

2002

В НОЧЬ НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА

В ночь накануне Ивана Купала
Сердце подковою в воду упало.
Может, на счастье, может, на горе
Выпил я реку, а надо бы море.

В ночь накануне Ивана Купала
Ветром душа моя в небо взмывала
Так высоко, что костру не достать.
Может, Жар-птицей хотелось ей стать?!

В ночь накануне Ивана Купала
Видимо, ведьма околдовала.
Помню на травах духмяный настой.
Не от него ли хожу сам не свой?

В ночь накануне Ивана Купала
Росы любимая в горсть собирала
И серебром окатила, маня.
Омолодил меня холод огня!

В ночь накануне Ивана Купала
Душа, словно папоротник, расцветала.
Клад открывая на каждом шагу,
Вижу я золото, да взять не могу...

2003

СУДЬБА

Осень-цыганка гадала
Ветру на картах листвы.
Снова ему выпадала
Доля сорвиголовы.

Он же в ответ рассмеялся,
Бросил червонцы в подол,
Свистнул и в поле умчался.
Там свою гибель нашёл...

Тёмен мой путь или светел?
Осень, и мне ты скажи!
Может, я сгину, как ветер,
Искрою Божьей в глуши?..

Осень-судьба разметала
Листья в полночную тьму.
Что мне она нагадала?
Посох, дорогу, суму...

2003

БЕССОННИЦА

Грудью бьётся в окно
Ветер – птица-ночница.
Отгоняет он сон.
И опять мне не спится.

Вновь себя я терзаю
Бессонною ночью.
А зачем? Сам не знаю.
Напустил ветер порчу.

Неотступен, как совесть.
Неподкупен, как память...
Жизни прожитой повесть
Мне уже не исправить!

Так зачем же в окно
Ночью ветер стучится?
Пролистал всё давно.
Нет! Осталась страница...

2003

СУХОСТОЙ

Покарал меня Бог
За грехи – немотой!
Я душою засох,
Как весной сухостой.

Златоуста листва.
Соком бьётся в ней жизнь.
А во мне все слова
В чёрный уголь спеклись!

Вот такая беда.
Был да сплыл божий дар.
А теперь – немота!
На распыл. На пожар...

Вот такая беда.
Немота. Немота.
С тенью я обручён
И молчать обречён...

Только, слушая шум,
Накативший волной,
Не спешите, прошу,
Вырубить сухостой.

У сухого ствола
Под корявой корой
Сердцевина жива,
Если жжёт её боль.

2003

СЕДЫЕ ЯБЛОНИ

Я видел, как корчуют сад.
Я слышал – яблони кричат!

Мне не забыть их голосов
И в груди впившихся тросов.

Рванули с рёвом трактора –
И не спасла сердца кора.

Упали яблони на поле
Седые – от смертельной боли,

Как стая белых лебедей,
У ног убивших их людей!

Но вырванные из земли
Их корни в небо проросли.

2003

ЖУРАВЛИНАЯ НОЧЬ

Май играл журавлиное рондо,
Пальцев стаю пуская в полёт.
Томно ныла струна горизонта
Всю весеннюю ночь напролёт.

Талым снегом дышали озёра.
Отходила, теплея, земля.
И сводило тоскою простора
Душу, словно крыло журавля.

2003

СОЖЖЁННЫЕ МОСТЫ

По небу ветер гонит облака.
Уносит льдины мутная река.
Чернеют сваи из крутой воды.
Зима сжигает за собой мосты.

Твои глаза туманны и пусты.
Любовь сжигает за собой мосты.
И перейти к тебе я не могу –
Ведь ты на том осталась берегу.

2004

ИЗБА

Срубили новую избу.
Родня пришла на помочь.
Сложили печь, и дым в трубу
Пошёл уже за полночь.

Сидели утром за столом
И печники, и плотники.
Сосновой стружкой пахнул дом
И глиной, как работники.

По полной дед налил родне.
Запели – после третьей.
И были эти люди мне
Дороже всех на свете...

Из брёвен рубится изба.
Четверостишья – сруб.
За каждую строкой – судьба.
Боль обожжённых губ.

Конёк взметнётся до звезды!
Затопят печку в стужу.
Слова пронзительно просты,
А как согрели душу.

2004

ЗЫБКА

В. Д. Лютому

Тень вздымается зыбко.
Брёвна в древней резьбе.
Чуть качается зыбка
В полутёмной избе.

Тянет тёплой истомой
От овчин на печи.
Острый запах соломы.
Тусклый трепет свечи.

Свет лампы неяркий
Озарил образа.
У беременной ярки
Человечьи глаза.

Ничего не меняется
За две тысячи лет.
Божий агнец появится
Утром на свет.

2004

РОДИЛИСЬ ПОЭТЫ В ОКТЯБРЕ

Родились поэты в октябре.
Ночью – Лермонтов, Есенин – на заре.

Золотой метелью Русь заносит
Ясная и пасмурная осень.

Расстелился голубой туман
От приокских далей – до Тархан.

В тучи обращает облака
Демона гнетущая тоска.

Ветер закрутил кленовый лист.
От земли до неба путь кремнист.

И на взлёте обрывает жизни
«Странная любовь» – любовь к Отчизне...

Русская душа жива, пока
В ней поёт тарханская тоска,

Песней константиновская грусть,
Как рубаху, разрывает грудь!

2005

СТЕПЬ

*А моя мать – степь широкая.
М. Ю. Лермонтов*

У татарника – медовый запах,
Но роднее горькая полынь.
Не перестаёт о сыне плакать
Зноем горя выжженная синь.

«Странная любовь» – любовь до боли.
И не всем её дано понять.
Только степь ему была, как мать.
И о ней он тосковал в неволе.

У горы Машук в чужом краю
Перед смертью родину он вспомнит.
И полынь седая тихо склонит
Над поэтом голову свою...

2005

ОГОНЬ РЯБИНЫ

*Нет поэта без родины.
С. Есенин*

Без родины – поэта нет.
Родного не понять чужому.
Так в сумерках заветный свет
Вдруг обожжёт тоской по дому.

Тогда по-волчьи впору выть
Сухому перекасти-полю,
То вспомнив, что нельзя забыть,
Бродяжью проклиная долю.

Поэта русского судьба –
Врасти корнями в край родимый.
Здесь материнская изба
Хранит в окне огонь рябины,

Когда печально старый клён
Клин провожает журавлиный.
А ветер колокольный звон
Разносит, как напев былинный.

А за Окой такой простор,
Что сердце не захочет рая.
И, вспыхнув здесь, души костёр
Горит, как Русь, не угасая.

2005

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

Над колодцем журавль встрепенётся.
Вновь призывный услышал он крик.
Журавлиное сердце забьётся,
И пронзительный вырвется скрип.

Стая, тая, откликнется хором.
И замрёт вдруг родное село.
Так с тоски по небесным просторам
Деревянное сводит крыло.

2005

ПРОРУХА

Гудела когда-то
Затонная тишь.
Закатом объято
Семь сгорбленных крыш.

От жалости сжалась
Живая душа.
Деревня осталась –
Дорога ушла.

Вздохнула старуха:
«Господь, ей прости,
Что с нашей прорухой
Не по пути».

2005

СУХОДОЛ

У обрыва на краю
Тополем седым стою.

Рваным шрамом распорол
Плоть лесную суходол.

И срываются деревья
В бездну жёлтого забвенья.

Времени бурлит река,
В камни обратив века.

По песку спускаясь в дол,
Я до дна его дошёл.

До земной добрался сути.
До сплетения корней.

Видел я: деревья-люди
Каменеют средь камней.

2005

ТОПОЛЯ

Упали в реку тополя.
Размыло берег половодье.
За корни держит их земля,
А кроны судорога сводит.

И ветром ледяным вода
Заламывает ветви-руки.
Никто не сможет никогда
Немые выразить их муки!

2005

ПОЛЫНЬ В СНЕГУ

Полегла в голом поле пехота
В декабре сорок первого года.

Кто потери считал под Москвой?!
И последним стал первый бой.

Не жалел Верховный народу.
Шли в огонь новобранцы с ходу...

В чёрном небе звезда зажглась.
И вмерзали солдаты в наст.

Пули в поле тела отпели.
Схоронили в снегу метели.

Вьюги вдовий оплакал вой.
И хранит полынь их покой.

2005

РУССКАЯ ДУША

Зима. Год сорок пятый. Русь.
Война идёт к закату.
И трудно верить в «Cott mit uns»¹
Немецкому солдату.

Несладко и ему в плену.
Морозы, снег и голод.
Он понимал свою вину,
Ведь был уже немолод.

Белели из берёз кресты
В безмолвии суровом.
И до деревни полверсты
Добрёл он по сугробам.

Ввалился в избу, как скелет,
Худой и несуразный.
По похоронке на столе
Всё немец понял сразу.

У горя милостыню ждать –
В боль сыпать соль солонкой...
Но поднялась седая мать,
Как тень, над похоронкой.

Сказала: «Погоди, сынок...»
Рукой в набухших жилах
В солдатский мятый котелок
Краюшку положила...

2005

¹ Cott mit uns — С нами Бог.

СПЛЕТЕНИЕ КОРНЕЙ

Мой дед был лесником, а прадед – пахарем.
И клин земли их, сохами распаханый,

От пота мокрый был, от засухи – сухой.
Врос в супесь крепко корень родовой.

Не для наживы жили – для души.
Дед лес оставил, прадед – поле ржи.

От тесного сплетенья их корней
Земля родная – мне ещё родней!

2005

ПОГОСТ

Высокий холм вздымается в крестах.
И слёзы застывают на глазах.

Богатый смерти выдался покос.
Родней села становится погост.

Качнусь от горя я – без водки пьян.
И поминальный уроню стакан.

Скрестила руки на груди родня –
И ждёт не в гости – насовсем меня.

2005

ОТ ЗЕМЛИ

О. М. Савину

Пью из чаши небесной прозрачную синь.
Тень в траве побраталась с былыми веками.
Моё сердце пронзила стрелойю полынь –
И прозрели глаза васильками.

На кургане стою, ветром горьким дыша.
Поседел я от облака пыли дорожной.
В поле боли осталась живая душа.
Обернулась она в оберег-подорожник.

Горьким млеком меня напитал молочай.
От татарника скулы достались косые.
Повителью сплелась материнства печаль.
Целовала роса мои ноги босые.

Я корнями за землю родную держусь.
Каждой жилкой в тяжёлый суглинок врастаю.
Смерть с размаху подкосит меня, ну и пусть.
Встав травой молодой, вновь я всё наверстаю.

Потому-то и песни мои от земли
Так шумят под дождём заливным разнотравьем.
Потому-то и счастлив я так от любви,
Что навеки сроднился с простором бескрайним.

2005

СЕНОКОС

О росу косой звеня
В утреннем тумане,
Дед косить учил меня
На лесной поляне.

Васильковая роса
Осыпала звенью.
Но не слушалась коса –
Всё вонзалась в землю.

Но окрепли крылья рук.
Взмах взлетал за взмахом.
И просохла на ветру
Потная рубаха.

На душе так хорошо!
По плечу мне горы.
Вдруг пошёл, пошёл, пошёл
Сам легко и споро...

Было радостно до слёз
В благовест рассвета
Первый свой пройти прокос
По макушке лета.

И, валок окинув свой,
К роднику спуститься
И его живой водой
Досыта напиться.

Знал я счастье бытия!...
Смерть махнёт косою –
На сырую землю я
Упаду с травой.

За один последний миг
Жизнь перелистаю.
Вспомню тот покос, родник...
И росой растаю.

2005

ГРОЗА

Начинает гром с распева
Надвигается гроза.
Стог вершу – залез на небо.
Пот солёный ест глаза.

И звенят, как струны, жилы,
Только сена дух вдохну.
Поднимаю я на вилы
Солнца знойную копну.

Незаметно вдруг стемнело.
Веет ветер холодком.
И дождя капель запела.
Ей ответил басом гром!

От усталости немея,
Рукавом утру лицо.
Ливень лупит, не жалея,
Да сухим стоит сенцо.

И, зарод задумав круче,
Вся от зависти дрожа,
На навильник молний тучи
Собрала за миг гроза.

2006

АВГУСТ

Дни сочатся мёдом, словно соты.
В слове «август» слышен яблоч хруст.
Вновь пришла пора грибной охоты.
Грусть мою развеял первый груздь!

Напоследок в росах отразилось
Розовое зарево зари.
Сердце сладкой горечью налилось
И огнём рябиновым горит.

И хотя ещё резвятся грозы,
И сквозь солнце ливень льёт слепой –
Всё печальнее шумят берёзы
Над моей седою головой.

Холоднее делается лето.
Смётаны стихи в душистый стог.
Сорвана душа порывом ветра
И антоновкой лежит у ног.

2005

ЗЕМНАЯ ГОРЕЧЬ

Не узнать его в лихом рубаке
Со смертельным холодом в очах.
В красной канаусовой рубахе
И в косматой бурке на плечах.

А в хрящах заросшего ущелья
Клокотал реки гортанный крик.
В ярости кипя, на «голос мщенья»
По камням срывался Валерик!

Рукопашный в ледяной купели
Эхом отзывался по горам!
«Резались жестоко» и хрипели:
«Господи, спаси!» – «Аллах Акбар!»

Досыта свинца тогда хлебнули.
Но невидимым покровом крыл
От кинжала и чеченской пули
Охранил архангел Михаил.

Дождь хлестал, и выл протяжно ветер.
Пенилось кровавое вино.
Небо заглянуло в реку смерти –
В ужасе отпрянуло оно...

А полынь клонилась под копыта.
И касался конь её едва.
Все, что душу мучило – забыто.
Исцеляла горькая трава.

Слёзы на седых степных ресницах
Отразили сумрак грозовой.
Вновь навстречу буре всадник мчится,
Напоённый горечью земной!

2006

ВСЁ В ДУШЕ

Скоро к Богу уже.
Скарб я нажил большой.
Унесу всё в душе.
Ничего за душой.

Знал морозный я зной.
Пел про холод огня.
Золотою казной
Лес осыпал меня.

Переломится свет.
Лягу я средь корней...
Был поэт или нет?
После смерти видней.

2006

ХОЛМЫ ЗЕМНЫЕ

Дохнул прохладой августа закат.
Устало стадо возвращается под вечер.
Коровы понимают русский мат
И пастухам покорно не перечат.

Бредут бурёнки тихо, как века.
Глаза полны какой-то грустью древней.
И оживает русская деревня,
Испив с устатку молока...

Звенит вечерошник. Коровы видят сон.
Им снится луговое разноцветье,
Жужжанье пчёл, кузнечиков трезвон,
Густой туман и росы на рассвете.

Вместилась жизнь в коротких три глотка.
И глиняная крынка запотела.
Сдувает ветер пену – облака
И к небу приникает то и дело.

Родным повеяло издалека.
Холмы земные солнышком налиты.
И запахом парного молока
Полны полынной родины молитвы.

2007

РУССКИЙ ДУХ

Эх! Топор да в две руки.
И в задоре русском
Рассыпались чурбаки
На морозце с хрустом!

Незабвенное то время
Нынче дорого до слёз...
В избу мёрзлое берем
Со двора погреться внос.

Мать топила чин по чину.
Занялась во тьме звезда.
Сухо вспыхнула лучина.
Затрещала береста.

Совершён обряд исконный.
Горяча поленьев речь.
Озарила лик иконный
В сумерках морозных печь...

Испечённым пахнет хлебом,
Потеплев, родимый дом.
Русский дух подняв до неба,
Дым седым стоит столбом.

2007

ВИЖУ С ХОЛМА Я РОДНОЕ СЕЛО

Дорога седая,
Время пришло.
Вижу с холма я
Родное село.

Незримо веками
Его Михаил
Архангел крылами
Святыми хранил.

Здесь я родился, крестился,
И тут,
Как милость,
Последний найду приют.

Время настанет.
Не станет меня.
Крест на могиле поставит
Родня.

Последним дыханьем
Плывя над селом,
Мать – снежный ангел
Махнёт крылом.

И на погосте
В седой пыли
Я стану горстью
Родной земли.

2007

ДОРОГА

Иду домой, как в гости,
Один среди людей.
Качнулся шаткий мостик
Из сгорбленных жердей.

Рукой подать до Бога,
Да не дойти никак.
Покрылась льдом дорога,
Как времени река.

В деревне умирающей
Порядок поредел.
Среди родни на кладбище
Я место приглядел...

На родину вернулся,
Чтоб мать в живых застать.
На тень её наткнулся
И дрожь не смог унять.

Прошла и не узнала
Седая, словно смерть...
Кого она встречала?
Дорога, мне ответь.

2007

ВАСИЛЬКОВАЯ РАТЬ

Ветер травы вздымает под вечер.
Много выпало им на веку.
И куёт безымянный кузнечик
Слово звонкое о полку.

Русь совсем одолел татарник.
Злые стрелы посеял осот.
С васильковой ратью ранью
Против них зверобой пойдёт.

В золотом шеломе, в кольчуге,
Заслонив родимую синь,
Князь с дружиной полягут за други.
И поникнет от горя полынь.

Без разбору коса косила,
Не познаша своих и врагов.
Голубое небо застыло
Перед смертью в глазах васильков.

Ветер травы вздымает под вечер.
Много выпало им на веку.
И куёт безымянный кузнечик
Слово звонкое о полку.

2007

НА КОЛОКОЛЬНЕ

Бьётся не сердце, а колокол
В широкой русской груди.
С крестом золотую голову
В грозу нелегко нести.

В тучах кровавых Запад.
Туманом покрыт Восток.
Дьявол небо залапал –
Ливнем смыл пятна Бог.

Малиновый благовест солнца
Половодьем залил поля.
Молитвенно отзовется
Святым перезвоном земля.

И с колокольни Сканова
Седого монастыря
Русь откроется заново
Ясная, как заря.

2008

АРХАНГЕЛЬСКИЙ СОБОР

*Любовь к родному пепелищу.
Любовь к отеческим гробам.
А. С. Пушкин*

Пять солнц России с неба светят,
В высь голубую вознеслись.
Пять куполов, как пять столетий.
На их кресты перекрестись,

И помяни святых в молитве.
Их и в гробах не тронул тлен...
Как агнец, был царевич Дмитрий
Из-за престола убиен.

В личине самозванца дьявол
Крутой замешивал раздор.
В потоке Смуты русской плавал
Ковчег – Архангельский собор.

И с воинством своим небесным
Тогда архангел Михаил
Застывшую над чёрной бездной,
Как Матерь Божью, Русь хранил.

Пока горят во мраке свечи,
Не обратятся души в прах.
Архангельский собор навечно
Встал на отеческих гробах.

2008

УБИВАЛИ РУССКОГО ПОЭТА

*Не в брёвнах, а в рёбрах
Церковь моя.*

В. Шаламов

Убивали русского поэта
Водкой, нищетой и злым наветом.

Ждали его пуля и петля.
И колымская железная земля.

Пасынком родной своей страны
Встал он у бревенчатой стены.

А за ним – родимая изба.
И у них единая судьба.

Рёбрами – не брёвнами хранит
Родина невидимый родник.

Серебро незримого колодца
Песней над убийцами смеётся.

2008

ДЕКАБРЬСКИЙ РЕКВИЕМ

Лес декабрьский сковал мороз.
Кровь рябин на снегу рассеяна.
Голубые вены берёз
Перерезала Русь Есенина.

Затмевает тоски разгул
Просветленья святую грусть.
Потому петлёй захлестнул
Горло месяца Млечный Путь.

2008

РОДНЯ

Срок настанет – и родня
Хоронить пойдёт меня.
На горе стоит погост.
Он крестами в небо врос.

Крепче нет его корней.
Мёртвые живых родней.
Тихо мать вздохнёт: «Сынок,
Снова ты под сердце лёг».

2008

СОЛОВЬИ

Есть загадка у песенной силы,
И её нельзя разгадать.
Соловьиный язык России
Может только поэт понять.

И весной на рассвете рано,
От росы охмелев до зари,
Только так в родимых Тарханах
Могут русские петь соловьи!..

Сердце снова забыться хочет.
Окунуться – хотя б во сне –
В синеву соловьиной ночи
И вишнёвой метели снег.

Нет! Последняя песня не спета.
Потому от зари до зари
Над свинцовой купелью поэта
Так безумствуют соловьи!

2008

ПЕСНЯ

*Вот она, милая роща.
М. Смирнова*

Горька от века вдовья доля.
Муж не вернулся с поля боя.

И сколько здесь пролито слёз
Среди седых подруг-берёз.

Всю душу песне отдала
Простая русская вдова.

Так в холода горят рябины
И согревают край родимый.

А, может, ей на самом деле
Берёзы песню ту напели.

И тем родней слова, чем проще.
От них светло, как в милой роще.

2008

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Топят бани. Пахнет дымом
В летний вечер у реки.
Пусть что было, то уплыло.
Тосковать мне не с руки.

В баньке веничком попарюсь.
И еще поддам парку.
После в речке искупаюсь –
И плясать всю ночь смогу!

И совсем мне не полсотни.
Мне всего пятнадцать лет!
Я на родине сегодня
Встречу с девушкой рассвет.

Первый раз поцеловался
Я на этом берегу.
Цвет с черёмух осыпался.
Ты стояла – вся в снегу.

Разбудив село, над нами
Пили кочеты зарю!
Вновь «вернусь я с петухами»
В юность светлую свою.

2008

БОЛЬНИЧНЫЙ САД

Прошедшим ад
Увидеть рай дано.
В больничный сад
Распахнуто окно.

Бушует пуншем
Майская метель.
Дух Пушкина
В душе бродит, как хмель.

Шепчу,
Как заклинание, опять:
«Я жить хочу,
Чтоб мыслить и страдать!»

И слушать
Соловьиные свирели,
Чтоб душу
Просквозил озноб сирени.

И влажный ветер
Летнего дождя
Запомнить, на рассвете
Уходя...

2008

НА СЕНОВАЛЕ

Маюсь на сеновале
И не могу заснуть.
Травы заколдовали
И взволновали грудь.

Полынь – тоска сокровенная –
Былинкой сухой горчит.
Стогом сена Вселенная
Накрыла меня в ночи.

А я – иголка татарника.
Пойди, иди, смерть, найди.
Какая земля наша маленькая.
Как родинка на груди.

Закину голову за руки
Под кроной густой синевы.
Падают звёздные яблоки
В зелёный подол травы.

Гибель сладка мгновенная!
А я как век завершу?
Воспоминаний сено
В душе переворошу.

Встречи и расставания.
То мачеха жизнь, то – мать...
Я загадал желание –
Жить и не умирать.

2008

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Проснусь в ожившем отчем доме.
Как в детстве, выйду на крыльцо.
И, воду зачерпнув в ладони,
Омою солнцем я лицо.

Оно из лона голубого
Скатилось – чудом из чудес,
Чтоб я по-детски верил снова
В благословение небес.

Чтоб на глазах преображался
В лучах зари родной простор.
И куполами поднимался
С холма Архангельский собор.

2008

СУРОВАЯ СУРА

С обрыва хан взирал на Русь,
Как на добычу смотрит рысь.
И зло кусал, оскалясь, ус.
Лавиной конники неслись

По крови вброд! По крови вброд!
Срывал с копыт подковы лёд.
И Волги младшая сестра
Сурова к ним была Сура...

Дубы молились, как волхвы
На солнца яростный распил.
Но обагрил закат стволы.
И рус кровавых рос испил.

Согнулся туго месяц-лук.
Стрела вонзилась в оберег.
Мир выпал из воздетых рук.
Тринадцатый кончался век.

Ломались сабли о мечи!
Вскипала битва день за днём.
Из ран горячие ручьи
Зарёй залили окоём.

У смерти красной на пиру
Скружилась свадьба похорон.
Незванных сватьев на юру
Окутал снегом саван-сон...

Поднялся на дыбы обрыв.
Вокруг не видно ни души.
Суровую канвой Суры
Туман веков, как холст, прошит!

2008

КАМЕННАЯ БАБА

Закат, словно раненый сокол,
Над степью раскинул крыла.
Знать, в небе высоко-высоко
Смертельная битва была.

Не воронов чёрная стая –
Ночная спускается тьма.
И баба застыла седая,
Как камень, слепа и нема.

Глядят и не видят зеницы
Сквозь вихрем взметённую пыль.
Как страшно чернеют глазницы!
Как стелется белый ковыль.

Откуда у каменной бабы
Такая живая тоска?
Живот сберегая, спасла бы
Она от безлюдья века.

Но кровью истёк её сокол,
Раскинув по травам крыла.
Знать, в поле далёко-далёко
Смертельная битва была.

2008

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

На глазах сжимается, как сердце,
То, что нам завещано в веках.
Горсть земли в ручонке у младенца.
Горсть земли в руке у старика.

Горсть земли, что слаще земляники.
Горсть земли, что пота солоней.
Человек становится великим,
Если солью растворится в ней.

Горсть земли – горячая от крови
У солдата запеклась в руке.
На чужбине был он похоронен
От полей родимых вдалеке.

Пыль дороги смерчем закружится
И осядет на полынь в тоске.
Горсть родимой принесла землицы
На могилу сына мать в платке.

И забьётся вдруг родное сердце –
Слёзы оживить его смогли!..
Горсть земли в ручонке у младенца
Вобрала все горести земли.

2008

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Купол неба – синий нимб России.
Дождь прошёл, и радуга встаёт.
Влажный чернозём почуял силы.
Умерев, зерно росток даёт.

Жизнь над смертью торжествует снова.
И от солнца отползает тень.
Воскресает воинство Христово
После Пасхи на девятый день.

Пламенеют травы на пригорках.
Взрывами черёмухи цветут.
Сыновья в истлевших гимнастёрках
К матерям седым с войны идут.

2008

РУСЬ-СУРА

Господи! Какая благодать
В знойный полдень искупаться властью.

Средь небесно-голубой воды
Как младенец, ближе к Богу ты.

В каждой речке вижу Иордань.
Отдаю тысячелетьям дань.

Русь-Сура прозрачная – до дна –
До песка и камушков видна.

Вечерами внятней речки речь
Про огонь погонь и острый меч.

Князь Владимир, словно Иоанн,
Непокорных окрестил славян.

Широко раскинулась река,
Волнами раздвинув берега.

Окунаясь в голубой покой,
Обернулась Русь – рекой Сурой.

2008

В НОЧНОМ

Ночь посолила звёздной солью
Ржаного месяца ломоть.
И разломила всем на доли
Обугленной картошки плоть.

И сельской ребятни ватага
Пирует у костра в ночном.
Прохладой тянет от оврага
И зябкой сыростью речной.

Гуляет ветер-Сивка Бурка
По голубому полю ржи.
Такая тишь кругом – ни звука.
И уголёк глазок смежил.

Овчинного тулупа ласка
Пропахла дымом костерка.
Приснится на рассвете сказка
Нам про Конька, про Горбунка.

Разбудят фырканье и ржанье!
Увидим въявь, а не во сне
В молочном утреннем тумане
Купанье сказочных коней!

2008

ЯБЛОКИ СЧАСТЬЯ

Снова вижу я через годы,
Настежь в сад окно растворив:
Достаёт дед из ульев соты.
С яблонь падает белый налив.

Перепутал ветер бедовый
Всё, что август для нас припас.
Пахнет яблоком Спас Медовый.
Пахнет мёдом Яблочный Спас.

Чем богаты мы, тем и рады.
Под иконой пьём с мёдом чай,
Наблюдая за яблокопадом,
Что пошёл в саду невзначай.

Как у детства глаза лучатся!
Солнце брызнуло соком: «Ах!»
Сладко-кислый вкус яблок счастья
До сих пор на моих губах.

2008

ЗАПАХ РОДИНЫ

В летний зной горчит полынь.
Есть в страду отрада.
У реки в тени ветлы
Отдыхает стадо.

О подойники звенит
Молоко парное.
В полдень над травой парит
Марево цветное.

Вот и ливень золотой
Хлынул – долго прощенный.
И зарылся с головой
Он в копне накошенной.

Громыхает, уходя,
Гром – душа порожняя.
Пахнет свежестью дождя
Даже пыль дорожная.

И подкатит к горлу ком
Ягодой смородины.
Как парное молоко,
Пил я запах родины.

2008

ПОМИНКИ

След коровьих копыт
На дороге просёлка осклизлой,
Каменя, пронзит
Вдруг мычаньем навзрыд
Душу – осенью сизой...

Нет в деревне коров.
Было странно такое представить.
В лебеде семь дворов –
Семь старушечьих ртов –
Помирать всухомятку остались.

По погосту идут
На поминки седые подруги.
Карамельки несут.
А в могилах их ждут –
Не дождутся и дети, и внуки.

Русь немая вопит!
Листопадом идут похоронки...
В след коровьих копыт,
Как в стаканы налит,
Жёлтый яд самогонки.

2008

СЧАСТЬЕ

Всё сбывается на свете,
Если очень захотеть.
Я хотел бы, словно ветер,
Мимо счастья пролететь.

На прощание рукою
С поезда махнуть ему.
И с дорожною тоскою
Породнясь, умчатъ во тьму.

Забывая об успехе,
Постигая жизни суть...
А в метель стихи, как вехи,
Вновь домой укажут путь.

Сердце разорвёт на части
Боль – живое существо!
Может, мы находим счастье,
Только потеряв его?

2008

ЭХО

Душа напиться не успела,
Как горло холодом свело.
И небом полное ведро
Сорвалось в сруб заледенелый.

Ударив в колокол колодца,
Я слышал гулкий взрыв на дне.
И эхо боли отдаётся
Во мне, как память о войне.

Открылась и сомкнулась бездна.
Журавль колодезный парил...
Скрипел разохшимся протезом
ИОВ – мой дядя Михаил.

2008

ЛИВЕНЬ

Э. К. Анашкину

В родстве с природой я живу.
От злого зноя степью маюсь.
Я ливнем падаю в траву
И радугою поднимаюсь.

В зенит взлетаю в синеве
В разгар охоты соколиной.
И никну к матери-земле
Повинно головой полынной.

Печаль избыть я не могу.
Вздыхают, высыхая, травы.
Валки на скошенном лугу,
Как строки «Слова о полку» –
Хоругви сгубленной державы.

2008

ДОЖДЬ В ТАРХАНАХ

И снова дождь пошёл в Тарханах,
Окутав дымкой степь кругом.
Так плавно с колокольни храма
Волною наплывает звон.

Поэта в церкви отпевают.
Дрожат молитвенно уста.
И оживают, оживают
Глаза распятого Христа...

Июльский дождь идёт в Тарханах.
Июльский благодатный дождь.
Земли залечивая раны,
Шумя, как молодая рожь.

И вспомнится лиловый ливень
У проклятой горы Машук.
Да! Трудно выбрать смерть «счастливей».
От пули. Молодым. Без мук.

Да! Лучше умереть на взлёте,
Чем на излёте умирать...
И вырвалась душа из плоти,
Чтобы обнять, тоскуя, мать.

Летящую над чёрной бездной
Её – архангел Михаил
Всем воинством своим небесным
От злого демона хранил...

Шумит под дождиком осока.
И тихо дремлет старый пруд.
А надо, в сущности, немного.
На миг остановиться тут.

Услышать благовест рассвета
И вдруг увидеть рай земной.
Мятежная душа поэта
В нём светлый обрела покой.

2008

КНИГА

Жизнь перемолота не зря.
Ведь вышла – с пылу с жару – книга!
И пахнет тёплая коврига,
Как летний дождик и земля.

А начиналось всё с зерна
Янтарного литого слова.
Оно пошло на семена,
Когда развеялась полова.

Корнями русский врос словарь
В сохой распаханную землю.
Я истово, как пахарь встарь,
Колосьев благовесту внемлю.

Златое слово, как колечко,
Нас обручило на века.
Исток родимой речи речка
Берёт из сердца родника.

И остаётся жить строка,
Вобрав в себя дыханье века.
Недолг век у человека,
Но вечна памяти река.

2008

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Пусть зарастёт травой могила,
Я весь в природе растворюсь,
И с тем, что было сердцу мило,
Корнями рук переплетусь.

Полынь, попутник, василёк –
Привет от родины любимой.
Осядет в землю бугорок.
Вернусь я к матери родимой.

2009

НЕ СОГРЕЕТ РЯБИНА...

«Гой ты, Русь моя!». Выть твоя горем засеяна.
Глотку волка сдавила капканом тоска.
На торги выставляют удавку Есенина.
Обнищала душа – и пошла с молотка.

И продать, и купить можно всё в идеале.
«Смерть Поэта», как нефть, подскочила в цене.
В разорённой стране есть «Страна Негодяев»,
Где калифом навек бизнесмен на коне.

А народу осталась одна лишь отрада.
И покорно он вздёрнут на телеигле.
Прёт на нерест её голубая отрава.
Открестясь от чертей, плачет ангел во мгле.

Не согреет рябина, огарком сгорая.
Пляшет ветер, а дьявол играет в дуду.
Лучше в петлю! Не надо за доллары рая.
«До свидания, друг мой!» –
«До встречи в аду».

Если в Бога не веришь, молиться нелепо.
В каждом мальчике чёрный живёт человек.
Задыхаясь, ногтями царапаем небо.
И на землю известкою сыпется снег.

2010

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Когда поэт у Чёрной речки
Мучительно осел на снег
И умирал... по-человечьи
Простил врагов своих он всех.

А сколько жить на свете этом
Тебе осталось, стихоплёт?
Поэта делает поэтом
Судьба – не книжный переплёт.

Накрыла клеткою корона.
У каждого стезя своя.
Не перепеть орлам у трона
Михайловского соловья!

Поэт – бунтарь, а не послушник.
В опале вечной ссылки он.
Бурлит черёмуха... и Пушкин
Весенним снегом занесён.

2011

ТАКАЯ РУССКАЯ СУДЬБА

Поэт по склону Машука
Взошёл на русскую Голгофу.
И хлынул ливень на века!
От грома Петербург оглохнул.

Казалось, молнией гроза
Его сразила, а не пуля...
«Собачья смерть» – так царь сказал –
Псарь руки потирал, ликуя.

Такая русская судьба.
«Чего везёте?» –
«Грибоеда»...
И вновь прокрустова арба
Лафетом стала для поэта.

Не поместилось тело в ней,
Забрызганное красной глиной,
К земле клонилось всё сильнее
Кустом надломленной рябины.

Полуоткрытые уста
В усмешке Демона застыли...
Пророка, снятого с креста,
Без отпеванья схоронили.

2011

НАБЕГ

Обжигает дыханьем сухим суховой.
В нём бескрайняя горечь полынных степей.

Гарь спалённых хлебов и родных пепелищ.
Поминальных курганных высоких кострищ.

Суховой, как орды беспощадный набег.
И из века всё так повторяется в век.

Где крылами махнёт суховой – всё горит!
И не ведает он, не поймёт, что творит.

Там, где древний когда-то стоял Наровчат,
Только чёрные трубы из пепла торчат...

2011

ДОМ КУПРИНА

Покорен Божьей воле
Был город Наровчат.
После пожара – горе:
«Лишь колышки торчат».

Овеян тихой грустью.
В плену у тишины.
Дом в пыльном захолустье,
Где жили Куприны.

Здесь в августе родился
Сын младший – Александр.
Здесь в Русь он погрузился,
И Русью стал он сам.

Татарская порода.
Характер! Ох, держись...
Три прожитых здесь года
Он вспоминал всю жизнь

И помнил – есть в России
Родимый уголок...
Разрушить «мир насилья»
Страну сподобил рок.

Пришлось покинуть Гатчину.
С Совдепом воевать.
О Родине утраченной
Над Сеней тосковать

Промозгло за границей.
И мёд горчит, как яд.
И надо же ... Приснится
В Париже – Наровчат!

Овеян тихой грустью,
В плену у тишины
Дом в пыльном захолустье,
Где жили Куприны.

С тоски в чужих хоромах
Немудрено запить...
Тепло родного дома
Куприн умел ценить.

2011

СВОБОДЫ ВЕТЕР

Грянул выстрел у Чёрной речки.
На сугробы упала тень.
И зашло солнце русской речи.
Стал, как вечер, сумрачным день.

И от муки невыносимой
Больше жить не хватило сил...
У склонённой над ним России
Он морошки лишь попросил.

Так почил Александр, раб Божий...
Чтобы смуту унять, от греха,
Гроб прикрыв роковой рогожей,
Увезли из столицы в снега.

И зачем на Руси раздоры?!
Застывала, как кровь, заря...
Схоронили Святые Горы
Ростом с мальчика бунтаря.

Как до боли мало отпущено
Ему было мятежных лет...
День рождения есть у Пушкина,
А другой – чёрной даты – нет!

Дух поэта – свободы ветер
Реет, стены темниц круша!
И по-пушкински верить в бессмертье
Начинает наша душа.

2012

КРЕСТ ЕВГЕНИЯ РОДИОНОВА

«Милосердия эру»
Оценивши вполне,
Умирает за веру
Русский парень в Чечне!

Под ножом полумесяца
Против банды – один.
«Духи» злобные бесятся:
«Крест не снял он с груди!»

Небо с громом расколется!
Будет ливень хлестать.
И пойдёт Богородицей
По горам его мать.

И могилу солдатскую
Раскопает сама.
Глядя рученьку ласково,
Не свихнётся с ума.

Станет ветер ей вестником.
Не оставит Господь.
По крестильному кресту
Мать найдёт свою плоть.

Перед ликом Спасителя
Под лавиной камней
Умер смертью Крестителя
Её сын на войне.

2014

ЗАПАХ ГОРЬКОЙ ПОЛЫНИ

Запах горькой полыни
Мне напомнил опять,
Как тоскует о сыне
Поседевшая мать.

На рассвете выходит
За ворота она.
И до вечера бродит
Скорбной тенью – одна.

Сын мальчишкой безусым
Уходил на войну.
И домой не вернулся –
Сгинул в чёрном дыму.

Пламенеют закаты
Над полынной страной.
В поле боли солдаты
Стали горькой травой...

Горе душу сжигает.
Год за годом идёт.
Каждый вечер встречает
Сына мать у ворот.

2015

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Бессмертный полк шагает по России.
В одном строю в нём правнуки и деды.
Так фронтовые фото воскресили
Всё скорбное величие победы.

Отдали жизнь за Родину солдаты.
Их лица нам роднее год от года.
Святые отмечая наши даты,
Себя осознаём одним народом.

Сменяет поколение поколение,
Пусть вечно нам не жить на белом свете,
Тому, что пережито – нет забвенья.
Бессмертный полк шагает по планете.

2015

ДЫХАНИЕ ВОЙНЫ

Пылает память о войне!
Огнём незримым обжигает.
Со временем больней вдвойне –
Ожог в душе не заживает...

На кадрах хроники – война.
Какой измерить горе мерой?
Как вынести смогла страна
Тот роковой год сорок первый?!

Мать-Родина звала с плаката!
Сплотила общая беда,
А год победный – сорок пятый
Таким далёким был тогда.

И ликовали той весной,
Лишь горечь всех потерь изведав.
Такою страшною ценой
Была оплачена Победа!

Не может это быть забыто.
Прочнее память, чем гранит.
То, что народом пережито, –
Забвению не подлежит!

Горит солдатская звезда.
И, замерев у обелиска,
Вдруг ощутим мы сквозь года –
Дыхание войны так близко.

2015

ВЫПУСКНИКИ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Выпускники вернулись в город утром,
А в полдень, среди мёртвой тишины,
Их разбудил охрипший репродуктор:
«Война!.. Без объявления войны!»

И поняли, встречавшие рассветы, –
Пришла беда, которой нет страшней!
Четыре года было до Победы.
Никто тогда не сомневался в ней!

Одним порывом общим все объаты,
Вдруг возмужали «мамкины сынки».
И добровольцами пошли в солдаты
Десятиклассники-выпускники.

Так в сапоги тяжёлые обуты,
Они шинельный встретили рассвет.
Окопы заменили институт им.
А артобстрелы – университет!

2015

ВЕЧНЫЙ СТРОЙ

Помнят стены райвоенкомата
Многолюдный первый тот призыв.
Классом на войну ушли ребята.
Лишь один из всех остался жив.

Наголо остриженные парни –
В первый раз они вставали в строй.
А на них – надежда Красной армии.
Прямо с марша их бросали в бой.

Пули самых лучших находили.
Много было дел у писарей.
Извещенья в город приходили.
Похоронки – вместо сыновей.

Как над ними матери рыдали,
Не забудет почтальон седой!
Так солдаты в сорок первом встали
На плите гранитной в вечный строй.

2016

СЕМЕРО БРАТЬЕВ

Семеро братьев ушли на войну.
Дом погрузился без них в тишину.

Выла ночами тоскливо метель.
Мать у окна вспоминала детей.

Не в гимнастёрках суровых солдат –
Малых, весёлых и дружных ребят.

И называла их имена...
А ей в ответ откликалась война!

Семь раз тишину разрывал её крик!
Семь похоронок с тех пор мать хранит...

В братских могилах братья лежат...
А ночью они – перед нею стоят

И просят: прости сыновей своих, мать,
За то, что навеки ушли воевать.

2017

ТРЕУГОЛЬНЫЙ ПАРУС ИЗ БУМАГИ

Как в снегу, в бинтах лежат солдаты,
Все – войной безжалостно распяты!

В старой школе госпиталь теперь.
Учат жить здесь взрослых, как детей.

Долго длится мужества урок
Для учеников – без рук, без ног.

Как тетрадок первые листы,
В красных кляксах на культях бинты.

И оценки выставляет мелом
Смерть – учитель строгий в платье белом...

Классная доска с весны хранит:
«... на дуэли Лермонтов убит...»

Вновь, как школьник, смотришь ты в окно,
Про себя твердя «Бородино»

И слова простые – «Завещанья»,
Как завет прощенья и прощанья...

И фантомной болью вдруг пронзит:
«В сорок первом – Лермонтов убит!»

Ночью, карандаш зажав зубами,
Пишешь сам письмо далёкой маме.

И белеет в госпитальном мраке
Треугольный парус из бумаги.

Пусть летит с надеждой он домой:
«Мама! Я не умер. Я – живой!»

2018

ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА

Всё – для фронта!
Всё – для победы!
Четыре года
Терзали беды.

Четыре года
Огонь и стужа.
Одна работа.
Ремень – потуже!

И за баранку.
Пусть месяц светит.
Забыли мамку
Родные дети.

Кто их накормит
Голодных – дома?
Припасов – горы,
Но всё – для фронта!

Дымя махоркой
Своей прогорклой,
Над похоронкой
Склонилась горько.

Сама от горя,
Как камень стала...
Терпенье вдовье
В войну спасало.

2018

НОВОБРАНЦЫ

Давно окопы стали осыпаться...
«Ура!» – над ними раздавался крик.
В атаку здесь ходили новобранцы.
К войне солдат готовил фронтовик.

Их в сорок пятом в армию призвали
На смену старшим братьям и отцам.
За них мальчишки отомстить мечтали.
Немного оставалось до конца.

«Бегом! Огонь! – муштры порядок страшен!
Ах, как они «любили» старшину,
Который был их на немного старше.
Ушёл он в сорок первом на войну.

Когда винтовки били мимо цели,
Как лютовал над ними старшина!..
Героями погибнуть не успели.
Как фильм, без них окончилась война.

2018

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Дождь сквозь солнце лил на День Победы.
Городок районный ликовал.
Наконец-то отступили беды!
На войне – никто не погибал!

В самый тот счастливый день на свете
Пел, плясал на площади народ.
Между взрослыми сновали дети:
«Скоро папка наш с войны придёт!».

Как невесты, на ветру березы
Под дождём шумели веселей.
Улыбались матери сквозь слезы.
Верили – дождутся сыновей!..

И стоял от горожан в сторонке
Почтальон... До нитки он промок.
Что в почтовой сумке похоронки –
Никому в тот день сказать не мог...

2018

МАТРЁНИН ДАР

Если Господь Божьим даром отметит –
Не жди от него лёгкой жизни и смерти.

Да, из песни не выкинешь слова...
Так умирала Матрёна Смирнова

Одна в коридоре больницы районной
От боли металась ночью бессонной.

Пылала, как на ветру, рябина,
Объята тоской журавлиного клина.

А врач с усмешкой сказал медсёстрам:
«Матрёна с похмелья мается просто».

Знали все о её «болезни».
Смеялись... и пели матрёнины песни...

Горькую пил не один Есенин.
Клёном в метель отпылал русский гений.

Матрёна ушла в ноябре на рассвете.
Плакали в роще берёзы и ветер.

Гроздь рябины – Матрёнин дар.
Греет нас в холод их горький жар.

2018

ОЖИДАНИЕ

Золотые сердечки берёзы
Засыпают могильный холм.
Вспомнил я материнские слёзы
И родительский старый дом.

Не вернуться мне больше туда.
Впору сердцу с тоски разорваться!
Не прощу себе никогда,
То, что с мамой не смог попрощаться.

У могилы повинно стою.
Душу ломит невыносимо!
Где ж ты, мама? Наверно, в раю
Золотым своим сердцем ждёшь сына...

2018

«ЛЁГКАЯ СМЕРТЬ»

Лёгкой смерти для мамы я у Бога молил.
Видеть муки её больше не было сил.

Бог услышал меня – мать ушла в мир иной,
И с тех пор мою душу оставил покой.

Не могу той мольбы сам себе я простить.
Пусть в мученьях, ещё ведь могла бы пожить

На земле для родных, ну хотя бы немного...
И зачем лёгкой смерти молил я у Бога!

Так терзает бессонною ночью вина.
И простить меня может лишь мама одна.

2018

ХОЛМ МОГИЛЬНЫЙ

Мне опять живой приснилась мать.
Подошёл, хотел её обнять.
Но она растаяла во мгле.
И не стало мамы на земле...

Мама умерла в начале осени.
Пожелтев, берёзы листья сбросили...
Снег теперь хранит её покой
Долгою холодной зимой.

А весной ей птицы будут петь.
Летом сосны на ветру шуметь.
На могилу осенью приду.
День в гостях у мамы проведу.

Молча по душам поговорим
До вечерней сумрачной зари.
И всплкнёт берёза надо мной,
Осыпая золотой листвой...

Холм могильный, фото и ограда.
А душа-голубушка – крылата!
От несчастий сохранит навек
Крыльев материнских оберег.

2018

ОТКЛИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХ КРИТИКОВ

Александр Пронин

ЛИРИЧЕСКОЕ «БЛАГОСЛОВЕНИЕ»

Свой новый поэтический сборник, вышедший в Пензе в 2000 году, поэт Валерий Сухов назвал «Благословение». Многие стихотворения сборника впервые были опубликованы на страницах журнала «Сура». У поэта Валерия Сухова есть подкупающе светлые идеалы, которым он верен и в которых уверен до конца. Да и в целом новая книга поэта – бесспорное свидетельство творческого роста, гражданского мужания и верности чувству высокого патриотизма. Автор сборника «Благословение» не декларирует, а исповедует непреходящие морально-нравственные ценности: милосердие, сострадание, любовь к ближнему, любовь к Отечеству, уважение к защитникам Родины. Многие его строки посвящены героям Великой Отечественной войны: *«Солдат прошли пули, словно гвозди, // Навек прибив к распятию земли. // Их души безымянные и кости // Покоя до сих пор не обрели. // В могиле братской брат обнимет брата. // Вздохнёт и успокоится земля, // Когда узнаем, как зовут солдата, // Что похоронен у стены Кремля» («Имена»).*

Вот так трагически и сострадательно говорит поэт, заставляя нас испытать боль и стыд за тех, кто воспользовался плодами жертвенной Победы, не отблагодарив своих альтруистических жертвователей. Валерию Сухову дороги герои и ветераны Великой Отечественной, и войны в Афганистане и Чечне. Ибо: *«Когда земля полита кровью, // Она становится родной. // Разрывы отдаются болью! // И всё не оправдать войной».* Ни войной,

ни миром поэт и не собирается оправдать тех, кто обрёл людей на страдание и гибель. Он учит отделять свет от тьмы не по национальным признакам и не по вероисповеданию, но по интеллектуально-психологическим аномалиям, которыми страдают противники пацифизма. Проблемы войны и мира занимают много эмоционально-этического внимания в поэзии Валерия Сухова: *«Страшнее год от гола беды. // Как траур, тучи над страной.// Кто знал, что юбилей Победы, // Отметим новой войной?!// В крови мальчишеские лица.//Которое из них родней?//Пусть их убийцам сон приснится--// Улыбки мёртвых сыновей!» («Улыбки мёртвых сыновей»).*

И всё же автора сборника «Благословение» нельзя назвать только поэтом-баталистом. Ему не менее дороги проблемы мира и полиэтнической эволюции культуры: *«Соль земная слезы горючей.//Грозовые зарницы во тьме. // И крестом осветивший тучи // Русский храм на высоком холме».* Это можно понять так: через тернии к звёздам духовности, через хаос многобожия к централизации очистительного света православия. Так рождается искренне выстраданное и покаянное обращение к Богу в стихотворении «Исцеление»: *«Пошли, Господь, нам веру в исцеленье. // Через любовь мы постигаем Бога.// Не отнимай надежду на спасенье // И не выкалывай за око око.// Молитву сотворим слепые – посоху, // Пусть путь укажет в лабиринте стен.// По морю крови проведи, как посоху, // Не запекалась чтобы до колен.// Как в сердце – поцелуй, Господь, в уста // И исцели Россию бесноватую // В одном лишь пред тобою виноватую – // В том, что Антихриста признала за Христа» («Исцеление»).* Большой это грех и кара по греху суровая. Но не грехом единым жива Русь и россияне. И поэтому поэт с любовью пишет о праведниках Руси, указующих путь к спасительной истине. Поэзию Валерия Сухова можно назвать печальным

реквиемом по Руси уходящей, в котором поэт с благодарностью и опять же состраданием вспоминает и Лермонтова, и Куприна, и «короля немого синема» Мозжухина, и Есенина, и Высоцкого, и своего деда. Все они одинаково дороги автору, как люди, оказавшие благостное влияние на формирование его любви к непростой стране – России, любить которую – добровольный подвиг. Поэт искренне признателен им за благословение жить в России и любить её в «погоду и непогоду», ибо Родину и родителей не выбирают. Он пишет о времени и о себе и таким образом помогает нам лучше познать себя во времени и пространстве личностных, равно как и общественных заблуждений и озарений.

Не всякое благословение – благо, но благословение, открытое Валерием Суховым, – это благо откровенный и вразумительных сожалений. Читать его стихи – значит получать заряд веры в самодостаточную праведность лирической поэзии гражданского звучания.

*Литературный журнал «Сура». 2000 год. № 2.
С. 230-231.*

ЕСЕНИН И СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИРИКА

На рубеже веков взоры писателей и философов зачастую обращаются не только к осмыслению своего микрокосма и его места в макрокосме, но и к анализу исторической судьбы нации, а то и мировых судеб в целом, и, как следствие, к дальнейшим прогнозам на будущее. Период жизни и творчества Сергея Есенина роднит со временем жизни и деятельности современных нам авторов в первую очередь резкая смена политической обстановки в стране, вместе с тем переоценка и перепроверка накопленных предыдущим опытом ценностей и идеалов. И здесь уже два пути: либо следовать непреходящим ценностям и идеалам национального прошлого, либо прокладывать новую дорогу, сообразно с новым мировым порядком. В разное время разными мыслителями высказывалась и интерпретировалась так называемая русская идея, в основе которой лежала верность историческому призванию России с её особым путём развития. Вместе с тем в XXI веке многими осознаётся, что судьба России, становление её государственности неотделимы от православия.<...>. Вновь русские поэты – наши современники – обращаются к духовным идеалам святости как к константным идеалам русского народа...Такой народный идеал можно найти в поэме Сергея Есенина «Микола», где Николай Чудотворец, особо почитаемый на Руси и даже считающийся покровителем русского народа, – это защитник и скорый помощник простого люда...Близок есенинскому Миколу Никола из стихотворения «Николай Угодник» современной московской писательницы Надежды Веселовской. Уже в названии стихотворения,

как и в поэме С. Есенина, заложена русская интерпретация имени святителя... *«Скор на помощь он в любой беде, // Милостыню подаёт в нужде»... < ...>*.

...И если Сергей Радонежский воспринимается как поборник общенациональных интересов, то старец Серафим из поэмы Софьи Никулиной «Добрый батюшка Саровский» во многом сходен с есенинским Миколой, близким простому народу. Избушка батюшки всегда влекла к себе людей: *«И от младенца до старушки // Сюда стекались сотни к ней»*. Истоки того, что и сейчас к источникам, колодцам батюшки, как пишет С. Никулина, «народ с надеждою бежит» лежит в глубокой святости преподобного Серафима...: *«Всё рядом с ним преобразалось! // И всем хотелось чище стать»...*

Проблема утраты идеала святости Руси, активные попытки её обретения – лейтмотив многих стихов анализируемых нами авторов. Так, в стихотворении «Исцеление» Валерий Сухов устами лирического героя просит *«исцелить Россию бесноватую»*, виноватую в том, что *«Антихриста признала за Христа»*, перепутала духовные ориентиры. Лакмусовой бумажкой наших дней, в которые нынешние люди, по словам Паисия Святогорца, «не имеют в себе идеалов, они тяготеют тем, что живут, звучит стихотворение «Дети России» с горьким признанием: *«Мы – заблудшие дети России. // Сколько раз нас сбивали с пути // Новоявленные мессии! // Новопризванные вожди!»* Распятая, растерзанная святая Русь, похожая на Голгофу, последняя святыня, по которой несёт крест Христос, – такова современная Россия Валерия Сухова.

К идеалу Христа как совершенному духовному идеалу святости и воплощению любви к людям, как известно, обращался Есенин. «Гриша, – писал он в письме к другу в 1913г., – в настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос

для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из-за страха: что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одарённого светлым умом и благородною душою, как в образец, в последовании любви к ближнему». Идеал Христа в современной литературе по-прежнему остаётся высшей мерой нравственности, высшим эталоном смирения, терпения и жертвенности. В стихотворении «Не ветры осыпают кущи...» в оживающей иконе Матерь Божья вновь несёт на распятие «воскресшего Христа», в стихотворении Валерия Сухова «Благословение» также отражён момент молитвенного оживания иконы: *«Во мраке свечи зажигают. // Дрожат молитвенно уста. // И оживают, оживают // Глаза распятого Христа.// Он в светлой муке всепрощенья// С молящихся не сводит глаз, // Благословляя за мученья, // Которые приял за нас»*. Здесь запечатлён лик всепрощающего Христа, благословляющего вновь распинающих Его на кресте своими грехами. В стихотворении «Голгофа» уже не святые восходят к небу и Богу – это делает сам Христос: *«Босыми ногами по русскому снегу, // Ступая, Христос поднимается к небу»*.

В стихотворении Валерий Сухов продолжает тютечевские и есенинские традиции раскрытия образа Христа, как «русского Бога», «русского Христа», присутствующего на нашей земле в виде странника. Мотив русской Голгофы, развитый Есениным в поэмах революционного цикла «Пришествие» и «Сельский часослов», ёмким и ярким образом распятой Руси представлен в стихотворении «Голгофа» – картине современности: *«Крест тяжёк. И с хрустом ломается наст.// И что-то в ответ обрывается в нас.// В едином порыве воскликнем: «О! Боже! // Как наша земля на Голгофу похожа!»// – Дымится заката кровавая плаха.// Стоим мы толпой, застывая от страха.// Как*

зной, обжигает крещенский мороз. // С распятьем идёт по России Христос».

Как и у Есенина, судьба Христа тесно сплетается с историческими судьбами России и верой в её пробуждение, хотя современным поэтам далеко до есенинского необиблейского эпоса. Их надежда на преображение России связывается также с приобретением ею новой сущности, но при определённых условиях: через таинственное совпадение, как в стихотворении Валерия Сухова «Святая звезда»: «*Ветер вечности книгу листал// И открыл откровенье Мессии: // Это будет в канун Рождества. // Загорится звезда над Россией !// Золотая святая звезда // Над таинственным пологом сини...// Совпадёт ночь рожденья Христа // С днём рождения новой России!*»

Таким образом, идеал святости у современных поэтов призван преобразить Россию, восстановить «времен связующую нить», оборванную забвением духовных ценностей русского народа, обратиться к национальным духовным истокам, подвигнуть человека к деятельной устремлённости к тому, чтобы «изобразился в нём Христос» (Гал.4:19) как современный духовный идеал.

Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд. Материалы международной научной конференции. Москва – Рязань – Константиново. 2005 год. С. 499-505. Статья представлена в сокращённом варианте.

«СВЕТ РОССИИ МОЕЙ»

О человеке, с которым вместе работаешь, писать и легко, и вместе с тем трудно. Легко – потому, что знаешь многие мелочи из его жизни, но есть опасность «утонуть» в этих мелочах, не заметить главного. Вот в этом кроется трудность. Попытаюсь избежать крайностей, поможет в этом сам Валерий Алексеевич, человек талантливый и мудрый. Сформировало его как личность, в первую очередь, родимое село Архангельское, что расположилось в Городищенском районе Пензенской области. Был я в этих чудесных местах и понял, что не мог в этом очаровательном уголке Пензенского края не родиться поэт. Природа родного села Архангельского нашла в стихах Сухова яркого поэтического живописца. В пятнадцатилетнем возрасте Валерий публикует в 1974 году первое стихотворение «Берёза» в районной газете «Заря коммунизма». Городу, где он закончил среднюю школу, Валерий Сухов посвятил в 1980 году стихотворение «Городище». Через 23 года оно стало гимном этого города. Музыку к нему написал Андрей Сергиевский. Впервые этот гимн прозвучал 12 июня 2003 года, в День города на главной площади районного центра.

Любовь к русскому поэтическому слову привела Валерия в 1976 году в Пензенский государственный педагогический институт имени В.Г. Белинского. Студента Валерия Сухова я хорошо помню. Его отличало стремление узнать и прочесть больше того, что было определено вузовской программой. О Валерии Сухове я вспомнил в августе 1988 года, когда нужно было взять на кафедру способного преподавателя. Так на факультет русского

языка и литературы пришёл опытный преподаватель, проработавший уже к тому времени девять лет в средней школе села Павло-Куракино и Городищенском педагогическом училище. Валерий Алексеевич Сухов поступив в 1992 году в заочную аспирантуру Московского областного педагогического института и начал увлечённо изучать творчество С. А. Есенина. В 1997 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Научные исследования В. Сухов успешно совмещал с поэтическим творчеством.

С 1988 года стихи В. Сухова стали публиковаться в пензенских газетах «Молодой ленинец», «Пензенская правда», «Наша Пенза». В 1990 году его стихотворения были включены в коллективный сборник «Запах первого снега», вышедший в Приволжском книжном издательстве. Радостно было видеть в 1995 году в руках Валерия первый его сборник стихов «Вербное воскресение». А через пять лет выходит его второй сборник «Благословение», третий сборник «Неопалимая полянь» был издан в 2003 году. В 2004 году Валерий Сухов стал членом Союза писателей России. В 2005 году вышел пятый его сборник стихов «Родное Архангельское». За своё поэтическое творчество В. А. Сухов был отмечен премией Губернатора Пензенской области «За достижения в литературе по итогам 2004 года».

Известный пензенский краевед и поэт Олег Савин отмечал: «Сборник «Родное Архангельское» – зримое свидетельство возросшего мастерства автора. У В. Сухова есть свой взгляд на мир, нет «перепевов» чужих мыслей. Особенно удачны стихи о родном селе Архангельском, которому он посвятил немало добрых, по-настоящему поэтичных строк. Пензенский поэт Валерий Сухов, продолжая и развивая традиции, заложенные Есениным, посвящает «малой» своей родине

добрые, теплые и по-настоящему поэтические строки. Многие из них легко запоминаются и западают в душу...» Вот и мне по душе гражданский темперамент Валерия Сухова, о чем бы он ни писал: будь то судьба ветеранов Великой Отечественной, героизм и трагедия участников афганской и чеченской войн или переживания за судьбу своей малой родины – села Архангельского. Нет в сборниках поэта Сухова ни одного стихотворения, написанного человеком равнодушным, художником-созерцателем. Остановлюсь более подробно на сборнике стихотворений «Архангельский мой собор», который был издан к пятидесятилетию автора. На мой взгляд, эта книга является этапным в творчестве Валерия Сухова.

В пяти разделах книги «Осенит нас звездный крест», «Поле брани и поле боли», «Поэта русского судьба», «Бессонница», «Архангельский мой собор» нашли отражение трагические события нашего прошлого и настоящего и сложные духовные искания русского человека на переломе эпох. В стихотворении «Родник» определяется ключевая установка автора, способного увидеть в родниковой капле «века»: *«Я воду пил из родника // Обняв замшелый сруб. // Срывались каплями века // С моих дрожащих губ. // И на меня смотрела Русь // Из бездны, словно миф, // На скорбный лик её молюсь, // Колени преклонив»*. Способность тонко чувствовать чужое страдание и искренне сопереживать ему – одна из характерных особенностей поэзии Валерия Сухова. Программными для первого раздела книги можно считать стихи «Дети России», «Русские мальчишки», «Подранок», «Мясо по талонам», «Мария», трагизм сюжетного построения которых и лаконичные афористичные концовки являются характерными чертами стиля поэта. Их гражданский пафос созвучен традициям русской классики от Лермонтова и Некрасова

до Волошина и Есенина: *«И Россия, как Матерь Божья, // Не оставит своих детей», «И у стенки застынет в матроске // Мальчик с именем Алексей», «И пожалел, как видно... патроны, // Сапогами подранка добил в два пинка», «Умирает на полу бетонном // Маленький распятый человек... // Продавали мясо по талонам, // На исходе был двадцатый век», «Нет молока в груди Мадонны // И нечем ей вскормить Христа».* Эти стихи нельзя читать равнодушно, они заставляют душу сжаться от боли. Поэт не щадит своих читателей, заостряя внимание на том жестоком и бесчеловечном, что было в нашей истории. Но он пишет об этом не для того, чтобы вызвать отторжение. Такое внимание к человеческому страданию в его разных проявлениях вызвано во многом христианской традицией. Не случайно критик В. Лютый отмечает эту особенность зрелой поэзии В. Сухова, сравнивая её с «мудрой беспристрастностью иконописи... сюжетов о мучениках за веру Христову». На самом деле, уже в первом разделе сборника ярко проявляется эта черта, тонко подмеченная проницательным критиком. В стихотворении «Вечная Россия» поэт пишет об этом так: *«По номерам, как в лагерном строю, // Мы узнаем историю свою, // И проступают лики вместо пятен // Всех мучеников веры и идей – // Их осенил Христос своим распятьем».* «Евангельский отблеск» – так точно определил одну из сокровенных особенностей поэзии В. Сухова Вячеслав Лютый. Её воочию можно увидеть в стихах из раздела с символическим названием «Осенил нас звездный крест»: «Двуперстие», «Береза – Богоматерь – Русь», «Снег России», «Терпенье», «В русской деревне», «Голгофа» «Полынья», «Свеча». Символический образ свечи, с которым ассоциируется «русский храм», является одним из ключевых для всего сборника «Архангельский мой сбор»: *«Русский храм – свеча из воска // Света горестная*

горстка. // Сквозь века, метель и тьму // Мы идём, идём к нему. // Ослепил глаза буран! // «Сбились мы. Что делать нам? // Не видать ни зги окрест. // Осенит нас звездный крест. // И засветится дорога. // Русь – свеча в руке у Бога! // Не задуть её ветрам. // Светит душам русский храм» («Свеча»). Таким образом, автор постепенно подводит читателя к пониманию глубины замысла всей книги, название которой – «Архангельский мой собор» звучит символично. Выход сборника В. Сухова совпал с пятисотлетним юбилеем Архангельского собора, построенного и освещенного в Кремле в 1508 году. Соборность – одна из характерных черт русского человека, который привык делить общую беду и радость со всеми соотечественниками. Архангельский собор, в некрополе которого покоятся русские князья и цари, олицетворяет собой многовековую историю России. Пушкинские строки «Любовь к отеческим гробам», вынесенные автором в эпиграф, находят отзвук в заключительном четверостишии стихотворения «Архангельский собор», которым завершается первый раздел сборника: *«Пока горят во мраке свечи, // Не обратятся души в прах. // Архангельский собор навечно // Встал на отеческих гробах».*

Уже само название второго раздела «Поле брани и поле боли» настраивает душу читателя на трагический лад. В него вместился большой временной отрезок с XIII века вплоть до нашего времени. Автор представляет своеобразную ретроспективу битв и сражений, которые выпали на долю русских людей за многовековую историю. Стих Валерия Сухова приобретает мифологическую мощь. Поэт создает целый ряд выразительных образов – символов, которые связаны с глубокой древностью. Казалось бы, как это далеко до сегодняшнего дня, но не утихает скорбь, более того, «боль от времени»

становится «больней», а «поле брани и поле боли» «вселенским горем дышит». В стихотворениях «Васильковая рать», «Полынь», «Суровая Сура», «Каменная баба» мы слышим, как *«кует безымянный кузничик // Слово звонкое о полку»*, чувствуем, как *«Святой и горькой тоской // Полынный дух сжигает душу»*, видим, как *«с обрыва хан взирал на Русь, // Как на добычу смотрит рысь»*, сочувствуем «каменной бабе», сын которой «истёк кровью». Запоминаются строки, сама ритмико-интонационная организация которых передает дух далёких от нас «седых веков»: *«Закат, словно раненый сокол, // Над степью раскинул крыла. // Знать, в небе высоко-высоко // Смертельная битва была»* («Каменная баба»).

Многие сюжеты стихов Валерия Сухова знакомы нам по историческим летописям и картинам русских художников. Например, васнецовский мотив живописного полотна «Витязь на распутье» находит у поэта свое развитие в стихотворении «Русская сказка»: *«Все мы, люди русские, по сути // Сказочной мечтой в душе живём. // Только Русь, как витязь на распутье, // Замерла в раздумье роковом. // Воронье тучи над полями, Кровью напилась глаза росы... // Сыновья polegшие – костями // Насмерть в землю русскую вросли»*. Поэту видится история государства Российского как одно *«бескрайнее русское поле – // Поле брани и поле боли»*. Особенно выразительны образы Валерия Сухова в стихах об участниках трех войн: Великой Отечественной, афганской и чеченской. Во многом это объясняется личным соприкосновением с этими трагически событиями. Дед поэта Сухов Борис Михайлович в декабре 1941 года получил в боях под Москвой тяжёлое ранение, после войны долго болел, обмороженные ноги врачи вынуждены были ампутировать. Смерть

деда стала первым жизненным потрясением, с которого и начинался поэт Валерий Сухов. Думается, что не случайным, а глубоко символичным было совпадение, о котором он пишет в стихотворении «Похороны деда»: *«Умер дед двадцать первого ночью. // А наутро – родился я»*. На самом деле, поэт Валерий Сухов, образно говоря, родился, написав именно эти стихи. Пронзительные стихотворения «Полынь в снегу», «Горькая победа» и «Похороны деда» воспринимаются как единое целое, как своеобразный трагический триптих.

Сюжетность многих стихов, опубликованных в сборнике «Архангельский мой собор», раскрывает ряд ключевых для поэта тем с разных сторон. Это позволяет в едином контексте воспринимать стихи о трагических событиях афганской войны: «Военный госпиталь», «Ветераны», «Другой», «Когда земля полита кровью», «Мы уходим из Афганистана», «Друг с Афгана», «Что скрывали?», «Тайна», «Искусственная роза». Хотя автор этих стихов не воевал в Афганистане, но там проливали кровь его друзья и родственники. Чувство вины за то, что это тяжёлое испытание выпало на их, а не его долю, отражено в стихотворении «Другой»: *«Я не служил в Афганистане // От гибели на волосок, // Другой был под Гератом ранен // И кровью поливал песок... // И жгут меня глаза поэта // Той необъявленной войной»*.

Завершают второй раздел стихи о чеченской войне: «Улыбки мёртвых сыновей», «Затмение», «Чёрный бизнес», «Горе», «Осколки», «Награда». В них можно выделить ряд пронзительных деталей и образов: *«Нельзя по родинкам узнать // Ребят, сгоревших в Грозном в танках. // Но ищет, ищет сына мать // Среди неопознанных останков», «На чужбине на родных березах / Там солдаты русские распяты», «И кровью запеклась души // Мальчишеской культя»*. Накал трагедий, которые

отражаются в стихах В. Сухова, очень высок. Но после их прочтения читатель переживает катарсис.

Выразителен и разнообразен В. Сухов в стихах, посвященных любимым поэтам: М. Лермонтову, С. Есенину, Н. Клюеву, О. Мандельштаму, П. Васильеву, М. Цветаевой, В. Шаламову. По выбранным именам можно судить о поэтических пристрастиях автора. Не случайно этот ряд завершается посвященным нашей землячке Матрене Смирновой стихотворением «Песня». Многих поэтов, которым Валерий Сухов посвятил свои стихи, объединяет одно общее «чувство родины». О нём писал Сергей Есенин в статье «Быт и искусство», обращенной к братьям-имажинистам. Тема родины, которую с такой потрясающей художественной силой раскрыли М. Ю. Лермонтов и С. А. Есенин в своем творчестве, является главной и для автора книги «Архангельский мой собор». Именно поэтому Валерий Сухов такое большое внимание уделяет трагической судьбе Лермонтова. Это находит своеобразное отражение в стихах «Степь», «Исход», «Земная горечь», «Гроб поэта». Образ лермонтовской «малой родины» – Тархан ярко запечатлен в стихах «Степь», «Рана земли», «Дождь в Тарханах», «Соловьи», где есть очень выразительные и запоминающиеся образы: *«У горы Машук, в чужом краю // Перед смертью родину он вспомнит. // И полынь седая тихо склонит // Над поэтом голову свою»; «Небо ослепло от горя в Тарханах, // Разверзнулась склепа // Глубокая рана»; «Болит тарханская земля – // Открытая корнями рана»; «И снова дождь пошёл в Тарханах, // Окутав дымкой степь кругом. // Так плавно с колокольни храма // Волною наплывает звон»; «Нет! Последняя песня не спета. // Потому от зари до зари // Над свинцовой купелью поэта // Так безумствуют соловьи!»*. Объединяя образы Лермонтова и Есенина в стихотворении «Родились поэты в октябре», Валерий

Сухов подчеркивает сходство их поэтических судеб: *«Ветер закрутил кленовый лист. // От земли до неба путь кремнист. // И на взлёте обрывает жизни // «Странная любовь» – любовь к отчизне... // Русская душа жива, пока // В ней поёт тарханская тоска. // Песней константиновская грусть, // Как рубаху, разрывает грудь!»*

Писать стихи о поэтах – трудное дело. Легко впасть в книжность, увлечься игрой в цитаты, что так характерно для современной постмодернистской литературы с её подчеркнутой интертекстуальностью. В связи с этим нельзя не отметить того, что Сухов, повторяя за Есениным широко известную его фразу «нет поэта без родины», по-своему её прочувствовал и переосмыслил в стихотворении «Огонь рябины»: *«Поэта русского судьба – // Врости корнями в край родимый, // Где материнская изба» // Хранит в окне огонь рябины». Можно с полным правом утверждать, что Валерию Сухову несказанно повезло в том, что у него есть своё Константиново – это село Архангельское, в котором он родился и провёл детство. Именно поэтому ему так близка есенинская поэзия. Это «есенинское» начало особенно ярко проявляется в четвертом и пятом разделах сборника – «Бессонница» и «Архангельский мой собор». Именно здесь свободно и раскованно раскрывается лирический дар Валерия Сухова, который искренне пишет о разных проявлениях любви («Прошлогодний лист», «Сожжённые мосты»), о мучительных творческих поисках («Бессонница», «Сухостой»). Итоговым для поэта можно считать стихотворение «Книга»: *«Полвека прожито не зря. // Всю жизнь вместила ёмко книга. // И пахнет тёплая коврига, // Как летний дождик и земля». Думается, что автор имел полное право сделать это смелое заявление. Самые проникновенные стихи Сухова посвящены малой родине – селу Архангельскому. Читая стихотворения из пятого раздела «Холмы земные» «Юловка», «Сенокос», «Имба», «Старый**

дом», чудесным образом переносишься в старинное русское село Архангельское, встречаешься с его жителями, восхищаешься отзывчивостью их добрых сердец. Поэт умело делает обобщения, живописуя характеры односельчан. Как живые, перед нами предстают бабушка и дед поэта, его родня, близкие и знакомые. Их образы взяты не из книг, а из самой жизни. Поэтому они так трогательны и убедительны. Поэт и здесь не отказывается от хлесткой образности, но она по-есенински органично связана с предметом изображаемого. Например, стихотворение «В ночном» начинается с такого четверостишия: *«Ночь посолила звёздной солью // Ржаного месяца ломоть // И разломила всем на доли // Обугленной картошки плоть»*. Ёмко и лаконично создан здесь образ обугленной на полыхающих углях костра картошки, «плоть» которой так вкусна. Такое мог написать только тот, кто сам испытал прелесть пребывания в ночном. Ночь с её «звёздной солью» изображается через восприятие мальчишки, слушающего сказки про Иванушку и «про Конька, про Горбунка». Поэтому на рассвете он видит: *«В молочном утреннем тумане // Купанье сказочных коней»*. Особенно запоминаются строки стихотворений, в которых в качестве лирического героя выступает сам автор: *«На душе так хорошо! // По плечу мне горы. // Вдруг пошёл, пошёл, пошёл // Сам легко и споро»* («Сенокос»); *«Начинает гром с распева, // Надвигается гроза. // Стог вершу – залез на небо. // Пот солёный ест глаза»* («Гроза»; *«Эх! Топор да в две руки. // И в задоре русском // Рассыпались чурбаки // На морозе с хрустом!»* («Русский дух»). Самые проникновенные стихи, полные боли невосполнимой утраты, повествуют об умирании русского села («Старый дом», «Закат», «Дорога»). Поэт по-рубцовски остро осознает «смертную связь» с родной землей, в которой покоятся его родные и близкие. Так рождаются исповедальные строки: *«Богатый смерти*

выдался покос. // Родней села становится погост // «Скрестила руки на груди родня // И ждёт не в гости – насовсем меня» («Погост»). Веришь в то, что поэт Валерий Сухов, по-сыновьи привязанный к малой родине, предельно искренен, когда тихо произносит: «И на погосте // В седой пыли // Я стану горстью // Родной земли» («Дорога седая»). Несмотря на трагический пафос большинства стихов сборника «Архангельский мой собор», книга не оставляет после прочтения тягостного и мрачного чувства. Не случайно в заключительном стихотворении «Благословение» вновь возникает просветленный образ Архангельского собора, купола которого поднимаются с холма над родным селом поэта. Такой финал, играющий роль эпилога, способствует новому осмыслению самых важных и значительных для Валерия Сухова строк: «Я родился в селе Архангельском, // Церкви нет уже с дальних пор. // Но родное село Архангельское – // Вот Архангельский мой собор». Валерий Алексеевич Сухов открыл для себя основной творческий стержень – «чувство родины». Именно это является одной из главных причин того, что выход его сборника «Архангельский мой собор» стал заметным событием не только для автора, но и для его читателей. А круг их с каждым годом становится всё шире и шире. Так думаю не только я. Приведу несколько отзывов о творчестве поэта Валерия Сухова известных современных русских писателей и поэтов: «Я как говорил раньше, так и говорю сейчас – Ваши стихи русские, нужные, созвучные душе народа. Они не сочинены, все выстраданы, подкреплены жизнью, не умозрительны. За посвящение – спасибо» (Владимир Крупин, Москва); «Ваша книга оставила хорошее впечатление... у Вас мне более нравятся именно стихи о нашей эпохе (возможно, это взгляд современника?). Потому что эта эпоха ещё болит в нас, и, судя по всему, болеть будет ещё долго... В Ваших стихах главное

то, что они живые и из родной земли растут. Не придуманные и не высосанные из пальца, прожитые, прочувствованные, выстраданные. Это главное. И в них есть неповторимый пензенский колорит», к которому я прикоснулась во время поездки в Тарханы в 2006 году. Есть некое неуловимое ощущение пензенских раздолий, о которых Лермонтов сказал в своем стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» (Диана Кан, Оренбург); «Поэтический дар Вы унаследовали от мамы Раисы Александровны. Она умела преобразить в песенный слог простые реалии русского быта. Так же и в Вашей поэзии ключевыми образами стали родной дом, семейный очаг, тихая молитва за своих близких. Эти на первый взгляд камерные образы помогают Вам двигаться от глубоко личного, затаённого к широкому течению гражданской лирики и придают понятию Родины тёплое личностное начало» (Светлана Сырнева, Киров); «...меня поразила свежесть образа в стихотворении «Русский снег»: «Как снежок, я был слеплен из снега». Может потому, что с шести лет живу на Севере. Может потому, что Россия – северная страна вместе со своими вьюгами...Может, по противопоставлению давно освоенному: «нашли в капусте» или «принесли аисты». Но это такой новый образ и точный для русского человека, что, мне кажется, – это на уровне добавления в фольклорный русский мир нового знака» (Надежда Мирошниченко, Сыктывкар); «Насчёт Вашей книги моё мнение – книга добротная, крепкая, сколоченная, как русская изба, заботой и болью о разрушаемой Отчизне, о наших «заблудших душах». А злободневность – это то, что придаёт Поэзии живость. Холодные, академически-мёртвые стихи может писать и компьютер. Так, что публицистики в стихах не чурайтесь (я это тоже делаю), по-моему, публицистика, пропущенная через сердце и душу, составляет часть Поэзии» (Николай Зиновьев, станица Кореновская

Краснодарского края); «Прочитал подборку – словно родную деревню посетил. Прекрасные, зрелые стихи русского мужика – душевные, чистые и правдивые, отдающие болью и горечью» (Виталий Серков, Сочи). Хочу подчеркнуть, что подобные высказывания характеризуют всё творчество Валерия Сухова, которое известно далеко за пределами Пензенского края. Стихи его печатались не только в «Суре». Они публиковались в журналах «Наш современник», «Подъём», «Русское эхо», «Странник», «Нижегородская провинция», «Аргмак», «Простор», «Нижний Новгород». За высокую художественность, проникновенный лиризм, гражданственность и ярко выраженный патриотизм Валерию Сухову в 2009 году была присуждена Всероссийская премия имени М.Ю. Лермонтова, а в 2010 году он стал лауреатом Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами».

В конце ещё хочу добавить ко всему выше сказанному, что многие стихи Валерия Сухова очень музыкальны. Не случайно известный пензенский композитор Р. Т. Давыдов написал на их основе поэму «Истоки» для смешанного хора а-капелла в пяти частях. Стихотворения В. Сухова «Старый дом», «Свет России моей», «Полынь», «Искупление», «Имена на обелисках», «Русский дух» положены на музыку Вячеславом Бахтиным. А к стихотворению «Запах горькой полыни» проникновенную музыку написал сын поэта – Алексей Сухов. Читатели и литературные критики ждут от Валерия Сухова новых книг и новых поэтических открытий.

Венчая музыку и слово. Очерки о творчестве преподавателей ПГПУ им. В. Г. Белинского. М., 2013. С. 46-58.

НА РАССВЕТЕ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Современная русская поэзия до сих пор во многом несёт на себе печать так называемого «шестидесятичества» – стихотворной публицистики, рассчитанной на мгновенное понимание и незамедлительный отклик читателя и слушателя. Нет сомнений, прямое поэтическое слово в иные моменты жизни и истории для художника очень важно. Но вся беда в том, что нынешняя поэзия словно бы забыла о своей сокровенной задаче, «приравняла перо к штыку», сменила протяжную песню на маршевые ритмы, точные, содержательные строки – на гневную, аффектированную речь, тихие слезы – на оглушительные вскрики погребальной плакальщицы. В каждом из этих предпочтений нет ничего предосудительного, однако чувство меры забыто. И вот уже слова заболтаны, гнев становится дежурным, боевые возгласы не трогают уставшее сердце... Реально, художник встал перед выбором: быть глубоким, вдумчивым, тонким живописцем и мыслителем – или выбрать путь плаката, отражающего злобу дня и живущего очень недолго: доколе этот скучный день продлится. По существу, перед нами противостояние искусства и журналистики как ремесла. Нравственные акценты тут не при чем – речь о фактуре письма.

Среди поэтов русской провинции имя Валерия Сухова известно с конца 80-х годов прошлого столетия. В многообразном своде его стихотворений масса вещей этого первого, журналистского толка. Они наполнены страданием и нежностью к людям и родному краю, но их эскизность по прошествии времени вызывает в читателе непродолжительные чувства, «послесвечения»

поэтических строк мы здесь не найдем. Хотя дневник тяжких лет России эти стихи, безусловно, пополнят: *«Что может быть страшнее смерти? // Когда уже надежды нет... // И в госпитале на рассвете // Не спят калеки в двадцать лет.// Мать, дрогнув, входит в дверь палаты.// Кровати выстроились в ряд.// На них, как на крестах распяты,// В бинтах ее сыны лежат.// Им соловьи любви отпели.// Не нянчить матери внучат.// Распилами берёз в апреле // Обрубки тел кровоточат. // Войной изломанные жизни. // Нет рук и ног, а всё болят. // И как немой укор отчизне,// Глаза тех стриженных ребят» («Военный госпиталь»).*

Минувшее двадцатилетие, обозначенное хаосом перестройки, бесчеловечностью 90-х годов и робкими надеждами первых лет нового века, породило гигантскую болевую волну в нашей поэзии. Её напор пригнал к земле всё светлое, радостное и жизнеутверждающее. Без преувеличения можно сказать, что это было неуловимое дыхание смерти. Но русский дух выстоял, преодолел инерцию распада всего и вся и объёмил собой до сих пор ещё прекрасный отчий простор. Теперь, возведя взор от выжженной и разорённой пяди скорбной почвы – к горизонту и затем к небесной выси, русский человек распрямился и обрел устойчивость. А безмерная боль умалилась и заняла положенное ей в земном распорядке место. Болят раны, и вздрагивает душа, вспоминая горестное вчера. Однако это уже – признак живого, которое может быть разным, одновременно – счастливым и грустным, сильным и слабым, умирающим и нарождающимся вновь: *«Занесённая снегом Россия. // Позабытая Богом земля.// Тяжкий крест до небес возносила,// Подставляя, как плечи, поля.//Видно, русское нужно терпенье,// Чтобы верить под вражьей*

пятой:// *«Это с божьего благословенья// Русь за муки назвали святой!» («Терпенье»).*

Так и в поэзии Валерия Сухова повторяющиеся образы «поля боли», «полыни» в разных вариациях сменяются сокровенным переживанием коллизий Священного Предания: притчи о блудном сыне, жертвенности агнца, крестных мук Спасителя. Автор видит мистические приметы в бытовом течении жизни, и голос его сдержан, в нём нет надрыва, но есть мудрая бесстрастность иконописи, в особенности – сюжетов о мучениках за веру Христову. Евангельский отблеск в стихах Сухова совсем не демонстративен. Сначала перед нами предстаёт реальность, очень точно прописанная словами, а уже затем проявляется её бытийный шлейф, как бы говоря нам: так было прежде, и смысл происходящего тогда не был понят. Евангелие предстает путеводителем смыслов человеческой истории и человеческой жизни. Эта позиция – одна из самых сильных в поэтике Валерия Сухова: *«Тень вздымается зыбко.//Брёвна в древней резьбе.// Чуть качается зыбка//В полутёмной избе.//Тянет тёплой истомой// От овчин на печи.// Острый запах соломы.// Тусклый трепет свечи.// Свет лампы неяркий // Озарил образа.// У беременной ярки.// Человечьи глаза.// Ничего не меняется// За две тысячи лет.// Божий агнец появится // Утром на свет» («Зыбка»).*

Для поэта важнейшие понятия – материнство, вина и прощение, малая родина и Россия, перекликающаяся в своей необъятности с древним русским образом матери-сырой-земли. В стихотворении «Небесные всходы» есть неявное уподобление: Русь – соединение почвы и неба. Тут вера, любовь и чувство родства сливаются в одно непостижимое для иноземца переживание: *« Чернеют сгоревшие пашни России. // В них дождик*

*посеял свои семена.// Не зря чернозём помесили мессии –
// Не хлебом единым живёшь ты, страна!// Свинцовую
тучей нависли невзгоды.//Мы замерли на роковом ру-
беже.// Кто выжег до корня небесные всходы,// Взо-
шедшие в русской наивной душе?!» («Небесные всходы»).*

В «русской наивной душе» много лёгкого и тяжёлого, она, словно большое дитя, порою не ведаёт, что творит. Но как у детей чисты слезы признания в проступке, так и в нашем человеке светится огонек раскаяния в содеянном – сначала едва-едва, потом все более сильно и всепоглощающе...

Есенинская линия в современной поэзии представлена достаточно широко. Однако несравненный лиризм великого русского поэта, доверительность и интимность его песни под силу не каждому, кто «под Есениным ходит». Постановка голоса, чувство дистанции между художником, предметом и читателем, спокойная уверенность в том, что слова послушаются песнопевца и лягут в единственно верном порядке на лист бумаги – эти «есенинские» свойства достаточно редки. В стихотворениях Валерия Сухова с течением лет они проявляются всё чаще и чаще: *«Пью из чаши небесной прозрачную синь.
// Тень в траве побраталась с былыми веками.//Моё
сердце пронзила стрелою полынью –//И прозрели глаза ва-
сильками.//На кургане стою, ветром горьким ды-
ша.//Поседел я от облака пыли дорожной.//В поле боли
осталась живая душа.//Обернулась она в оберег-
подорожник.//Горьким млеком меня напитал молочай.
//От татарника скулы достались косые.//Повительню
сплелась материнства печаль.//Целовала роса мои ноги
босые.// Я корнями за землю родную держусь.//Каждой
жилкой в тяжёлый суглинок врастаю.//Смерть с раз-
маху подкосит меня, ну и пусть.//Встав травой мо-
лодой, вновь я всё наверстаю.//Потому-то и песни*

*мои от земли //Так шумят под дождем заливным раз-
нотравьем.//Потому-то и счастлив я так от любви,//
Что навеки сроднился с простором бескрайним».*

Сквозь толщу наработанных тем и образов, через усталость души и утомление сердца прорастает фигура нового поэта – зрелого, умудрённого жизнью, свободно говорящего о России и русском человеке – вчера, сегодня и на рассвете завтрашнего дня.

*Литературный журнал «Сура». 2018 год. №6.
С. 184-188.*

МАТЕРИНСКИЙ ОБЕРЕГ

Как ни важен отец в жизни любого человека, но недаром в народе говорят, что без матери человек – полный сирота. И ещё народ добавляет: «Вдовец – детям не отец, сам полный сирота». Моё детдомовское детство лишило меня воспоминаний о матери, потому, видимо, особенный интерес среди всех присылаемых мне писателями России книг вызвала у меня тоненькая книжечка, присланная из Пензы поэтом, членом Союза писателей России Валерием Алексеевичем Суховым... Чем необычна эта книга и чем она выделяется среди других достойных поэтических сборников? Тем, что у этой книги два автора.

Соавтором известного пензенского поэта, лауреата литературной премии имени М. Ю. Лермонтова Валерия Сухова в этом сборнике выступает его матушка, Раиса Сухова-Богорцева. Она и открывает сборник своими «Песнями о жизни». И лишь во второй части книги эстафету подхватывает сын – поэт Валерий Сухов со своим «Материнским оберегом». Книга-дуэт, книга – воплощение неразрывной связи поколений через перекличку поколений. Книга хотя и художественная, но в то же время документ сразу двух эпох.

Раиса Александровна умерла 25 сентября 2017 года. Издание книги приурочено Валерием Суховым к годовщине смерти матери. «Конечно, мамини стихи непрофессиональны, наивны по-детски, – написал мне Валерий Алексеевич в письме. А его матушка извинительно пишет в стихах: *«И пусть простят меня поэты // За неумелые стихи. // Я спела, как могла, о жизни, // А были годы нележки...»*

А я подумал, что самое худшее, что может быть в литературе и жизни – это те самые профессионально «сделанные» стихи, сделанные мастеровитыми руками без души. В стихах Раисы Александровны, известной сказительницы города Городище, души в избытке. Не всё, написанное Раисой Александровной, мастеровито. Но всё, написанное Раисой Александровной, достоверно и проникнуто духом исповедальности. Звучит и перекликается в стихах фольклорная яркость и распевность. Читаешь «Сказание о речке Суре» и словно ощущаешь биение о берег речной волны, вплетаемое в звучание русской песни: *«С детства помнится Сура-реченька. //Широка была, глубока была... //Обмелела реченька, видно дно сейчас. //И не вишь растёт, а сужается. //И на нас, людей, обижается»*

Первые публикации стихов Раисы Александровны состоялись на страницах районной газеты города Городище сравнительно недавно. А по рождению в 1936 году в деревне Крутец Ульяновской области принадлежит Раиса Сухова-Богорцева к поколению детей войны. Лишения военного детства не помешали ей стать педагогом и даже удостоиться за отличную работу грамоты Министерства образования РСФСР. Работала библиотекарем, воспитателем в детском саду. Мать была внимательным читателем стихов сына-поэта. Сочинять стихи начала неожиданно для себя в 2000 году. Вдохновляющим толчком послужила новая книга сына, посвященная родителям. Потому мать напишет: *«Ты разбудил во мне слова, //Что зрели долгие года...»* И это материнское начало станет истоком её сказового творчества, где сюжеты, взятые из жизни, и поистине народная афористичность соседствуют друг с другом. Многие стихи сына-поэта стали песнями благодаря профессиональным композиторам. А мать сама подбирала музыку к своим

стихам, так они тоже становились песнями и сказами... Очень интересно проследить созвучие стихов матери и сына, ведущих творческий диалог, в котором родник, березы, полынь, ветер – не только образы, но почти родственники авторам.

В книге «Материнский оберег» собраны замечательные стихотворения, дающие представление о многообразии поэтической палитры Валерия Сухова, совершенно самобытного и вместе с тем глубоко традиционного поэта. Лирического певца русской глубинки, которая в его стихах предстает центром мироздания и духовности. Темы большой и малой Родины в творчестве Сухова объединены в одну тему: малая Родина в творчестве Сухова вырастает до большой Родины.

Образ матери в творчестве Валерия Сухова – один из сквозных, он проходит по всем его стихам в сборнике «Материнский оберег»: *«Я родился в декабрьский мороз, //Когда сыпались звезды с берёз. //И сугробы вздымались до неба. //Как снежок, я был слеплен из снега. //В час, когда вызревала заря, //Снегириною грудью горя. //И качала седая метель //Светлый месяц – мою колыбель» («Рождение»).*

Именно через любовь к матери дети открывают в себе любовь к Родине. Недаром мы зовем Родину – матерью. С любви к матери начинается любовь ко всему живому и существу: *«Я родился в селе Архангельском. //Коренном, российском, не ангельском. //Там земная юдоль – не райская. //Церкви нет уже с давних пор. //Но родное село Архангельское – //Вот Архангельский мой собор. //Без молитвы душа томится. //Без истоков мелеет река. //И пора мне к ним возвратиться, //Чтоб увидеть родные лица, //И святой водой причаститься //Из Михайлова родника» («Родное Архангельское»).*

Мать олицетворяет для каждого из нас, а для поэта в особенности, живое приобщение к родовому дереву, которое веками и тысячелетиями питает каждую семью России: *«Я воду пил из родника, //Обняв замшелый сруб. //Срывались каплями века //С моих дрожащих губ. //И на меня смотрела Русь //Из бездны, словно миф. //На материнский лик молюсь, //Колени преклонив...»*(«Родник»).

По сути, если хочешь узнать, насколько тот или иной поэт любит Родину не на словах, а душою, почи-тай стихи этого поэта не о России, а именно о матери. И тебе всё станет ясно. Не потому ли самые проникновенные стихи о любви в творчестве многих поэтов – это стихи о матери. Есенинский лейтмотив «ты жива ещё, моя старушка» – вечен в русской поэзии, и постоянно прирастает дополнительными красками и оттенками, играет всё новыми и новыми гранями. А вот как этот лейтмотив предстает в творчестве Валерия Сухова: *«Праматерь – старая ветла //Под окнами родного дома //Морщиной каждую была //Наощупь с детства мне знакома. //Её я гладил по коре. //Шершавого тепла касался. //И ветер времени в дупле //Протяжным эхом отзывался. //Вновь к материнскому стволу //Я через годы прижимаюсь. //Преданий слышу древний гул //И сердцем с деревом срастаюсь...»*(«Ветла»).

Говоря о материнском стволе, поэт словно бы намекает нам, что именно этот ствол есть – становой хребет родового тысячелетнего дерева... Говоря о переключке стихов сына и матери, стихов, собранных под одной обложкой, нельзя не привести стихотворение Валерия Сухова о реке Суре, которую так любила и воспевала его матушка: *«Господи! Какая благодать //В знойный полдень искупаться всласть. //Средь небесно голубой воды, //Как младенец, ближе к Богу ты. //В каждой речке вижу Иордань. //Отдаю тысячелетьям дань. //*

*Русь-Сура прозрачная – до дна, // До песка и камушков
видна. // Вечерами внятней речки речь // Про огонь по-
гонь и острый меч. // Князь Владимир, словно Иоанн, //
Непокорных окрестил славян. // Широко раскинулась ре-
ка, // Волнами раздвинув берега. // Окунаясь в голубой
покой // Обернулась Русь рекой Сурой» («Русь-Сура»).*

Счастливая была женщина – Раиса Александровна Сухова-Богорцева, коли воспитала такого замечательно-го сына – не только талантливое поэта, но и молитвенника, и защитника русской земли, и настоящего русского мужика: *«Эх! Топор да в две руки. // И в задоре русском //
Рассыпались чурбаки // На морозе с хрустом. // Незабвен-
ное то время // Нынче дорого до слез... // В избу мёрзлое
беремя // Со двора погреться внёс. // Мать топила чин
по чину. // Занялась во тьме звезда. // Сухо вспыхнула лу-
чина. // Затрещала береста. // Совершён обряд исконный.
// Горяча поленьев речь. // Озарил лик иконный // В су-
мерках морозных печь...» («Русский дух»).*

Не зря на Руси испокон веков называли печку матушкой. Она и согревала, и кормила, и врачевала, и мыла (когда бани нет), спать укладывала на теплые полати, и во вьюжные ночи песни напевала в трубе... Вокруг неё, печки-матушки, собиралась вся семья, она, подобно матери, была центром семьи. Ну чем не мать? А смерть матери наполнят душу Валерия Сухова печалью и полынной горечью... Непроста жизнь в России. Никогда не была простой и, видимо, не будет. Но пока мы видим образы наших ушедших матерей в шепчущих о чём-то сокровенном берёзах, в склонившихся над водой, словно во время стирки, вётлах, в труженицах речках, в матушках-печках, мы не сироты, не манкурты безродные. Мы русские люди – на русской земле.

Православный сайт «Русское воскресенье».

Из фотоархива Валерия Сухова



*С матерью –
сказительницей
Р. А. Суховой-Богорцевой*



*С отцом – краеведом А. Б. Суховым
у памятного камня на валах города Городище*



*Выступление на Лермонтовском Дне поэзии
в Пензе в июле 1990 года*



*У родного дома в селе Архангельском
в августе 2008 года*



*Выступление на Лермонтовском Дне поэзии в Тарханах
после вручения Всероссийской премии
имени М. Ю. Лермонтова в июле 2009 года*



*Вручение Международной премии имени С. А. Есенина
«О Русь, взмахни крылами...»
в Москве в октябре 2010 года*



*Выступление на Купринском литературном празднике
в Наровчате*



После вручения Купринской премии «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер» в Литературном музее города Пензы в августе 2011 года

Слово сердца моего

Второй Александр Суков родился в 1959 году в селе Александровском Гражданского района Пензенской области. Окончил Пензенский педагогический институт, аспирантуру при МГУ. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры литературы и методики ее преподавания ПТУ им. В. И. Ленинского. Член Союза писателей России. Автор пяти поэтических сборников. Лауреат премии Губернатора Пензенской области, Всероссийской Парламентской премии и международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь! Встань красивой». Стихи печатались в журналах «Спутник современника», «Полдень», «Русское зёрно», «Молодая гвардия», в коллективных сборниках «Именные памятники».

Русская сторона

Написал Суков
РОДИНОЕ АРХАНГЕЛЬСКОЕ В. И. Кручиню
Кировский, российский — по
итальянском.

Там меняя холмы — ты рыбачка,
Ты была тут уже — дашаки пер.
Но роднее село Архангельское —
Тот Архангельский мой собор.
Без молитвы душа томится.
Без истоков не ждёт река.
И яви мне снова пожелается,
Чтоб увидела родные лица
И своей шальной крашестью
Из Михайлова родника.

ИСКУШЕНИЕ
Мечом есть мой занятии,
По выводу в дулю отнюдь.
Моя вострела, в черной шале
Стружка вышла на порог.
Прочелась вилка на вилки
И пошла, а не кружится,
Как самый близкий человек...
Когда дронит миря пробудил,
Тогда добился до глубины,
И возвращение на распутию —
Как искусление вина.

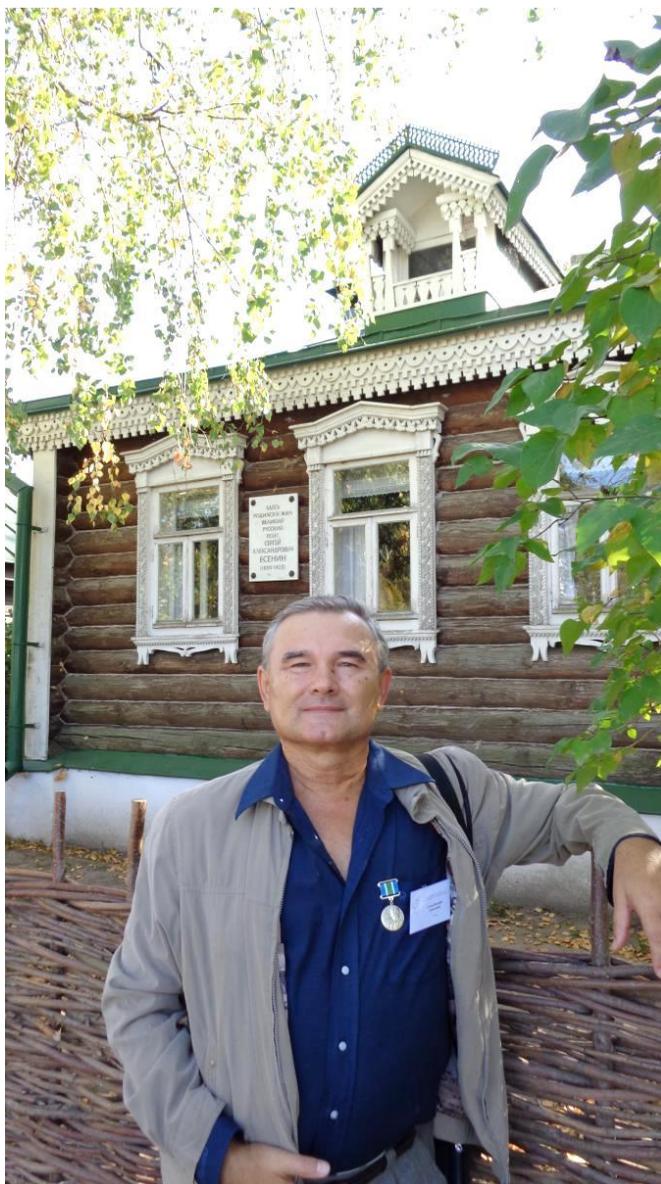
Светушку пожелалось растопить
И на распутии порог жёлтый
И на колени перед матерью
Заблудиться своим упадком!

СВЕТ ЗВЕЗДАМ
Заблудился в келье в поле
От усталости в снег вальсею.
И душе, замёрзшей до бытия,
Перед смерью — пережилась
Русь.

Пансионатный дом родниковый,
В древнем срубе сакрой ролик.
Над кельею — ветки, рябины,
Материнской скорбейшей лед.
Соль меняла слезы горюхой,
Грушевые чиряпы не чуже,
И криком окаянней тучи
Русской чреде на высьном вышле —
Душу мертвую воскресил!
Почему в мой гряд...

52 *А мы из Пензы!*

Публикация в журнале «А мы из Пензы!»



*В Константинове после вручения медали «Сергей Есенин»
в сентябре 2015 года*



*Выступление в Городище на презентации сборника
«Материнский оберег» 25 сентября 2018 года*



*Выступление на юбилейном вечере в Педагогическом
институте имени В. Г. Белинского Пензенского
государственного университета 25 декабря 2018 года*

СОДЕРЖАНИЕ

Дети России.....	3
Тайна.....	4
Искусственная роза.....	5
Военный госпиталь в Ташкенте.....	6
Двухсотый.....	7
Пастораль.....	8
Другой.....	10
Заблудшая душа.....	11
Щеглёнок.....	12
Отречение.....	13
Памяти Павла Васильева.....	14
Два портрета.....	15
Похороны деда.....	18
Когда земля полита кровью.....	20
Мы уходим из Афганистана.....	21
Друг с Афгана.....	22
Подранок.....	23
Подковами по душе.....	25
Прощение.....	27
Ветераны.....	29
Утрата.....	30
Последний юбилей.....	30
Истоки.....	31
Крещение.....	32
Молитва.....	33
Родник.....	34
Русские мальчики.....	35
Расстрел серебряного века.....	36
Молчание.....	37
Каинова казнь.....	38
Крест на России.....	39
Вечная Россия.....	40

Проклятье.....	41
Хиросима России.....	42
Храм и хам.....	43
Мясо по талонам.....	44
Сожжённая «Тройка».....	46
Родничок.....	47
Король немого синема.....	48
Предтеча.....	49
В русской деревне.....	50
Мария.....	51
Голгофа.....	52
Плащаница-береста.....	53
Откровенье.....	54
Сухая стерня.....	54
Беременное смертью время.....	55
Двуперстие.....	56
В пути.....	57
Последняя святыня.....	59
Перелом.....	59
Исход.....	60
Вера.....	61
Закат.....	61
Старый дом.....	62
Сон.....	63
Язычица.....	64
Неопалимая полынь.....	65
Горькая победа.....	66
Имена.....	67
Звёзды из жести.....	68
Есенинская осень.....	69
Тень поэта.....	70
Живой.....	71
Весенний призыв.....	71
Затмение.....	72

Улыбки мёртвых сыновей.....	73
Красный снег.....	74
Горе.....	75
Осколки.....	76
Награда.....	77
Ранимость.....	78
Русский снег.....	79
Полынья.....	80
Роса веков.....	81
Полынь.....	82
Русская сказка.....	83
Свет звезды.....	84
Свеча.....	85
Перекасти-поле.....	86
Поле боли.....	87
Сумерки.....	88
Ветла.....	89
Искупление.....	90
Оберег.....	91
Подорожник.....	92
Юловка.....	93
Чёрный омут.....	94
В ночь накануне Ивана Купала.....	95
Судьба.....	96
Бессонница.....	97
Сухостой.....	98
Седые яблони.....	99
Журавлиная ночь.....	100
Сожжённые мосты.....	100
Прошлогодний лист.....	101
Изба.....	102
Зыбка.....	103
Родились поэты в октябре.....	104
Степь.....	105

Огонь рябины.....	106
Колодезный журавль.....	107
Проруха.....	108
Суходол.....	109
Тополя.....	110
Полынь в снегу.....	111
Русская душа.....	112
Сплетение корней.....	113
Погост.....	113
От земли.....	114
Сенокос.....	115
Гроза.....	117
Август.....	118
Земная горечь.....	119
Всё в душе.....	121
Холмы земные.....	122
Русский дух.....	123
Вижу с холма я родное село.....	124
Дорога.....	125
Васильковая рать.....	126
На колокольне.....	127
Архангельский собор.....	128
Убивали русского поэта.....	129
Декабрьский реквием.....	130
Родня.....	130
Соловьи.....	131
Песня.....	132
Пятнадцать лет.....	133
Больничный сад.....	134
На сеновале.....	135
Благословение.....	136
Суровая Сура.....	137
Каменная баба.....	139
Горсть земли.....	140

Девятый день.....	141
Русь-Сура.....	142
В ночном.....	143
Яблоки счастья.....	144
Запах родины.....	145
Поминки.....	146
Счастье.....	147
Эхо.....	148
Ливень.....	149
Дождь в Тарханах.....	150
Книга.....	152
Возвращение.....	153
Не согреет рябина.....	154
Весенний снег.....	155
Такая русская судьба.....	156
Набег.....	157
Дом Куприна.....	158
Свободы ветер.....	160
Крест Евгения Родионова.....	161
Запах горькой полыни.....	162
Бессмертный полк.....	163
Дыхание войны.....	164
Выпускники сорок первого года.....	165
Вечный строй.....	166
Семеро братьев.....	167
Треугольный парус из бумаги.....	168
Всё для фронта.....	170
Новобранцы.....	171
День Победы.....	172
Матрёнин дар.....	173
Ожидание.....	174
«Лёгкая смерть».....	175
Холм могильный.....	176

ОТКЛИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХ КРИТИКОВ

Александр Пронин. Лирическое «Благословение»	177
Наталья Гордиенко. Есенин и современная православная лирика.....	180
Геннадий Горланов. «Свет России моей».....	184
Вячеслав Лютый. На рассвете завтрашнего дня	197
Эдуард Анашкин. Материнский оберег.....	202
Из фотоархива Валерия Сухова.....	207

Сухов Валерий Алексеевич

ХОЛМЫ ЗЕМНЫЕ
Стихи разных лет

В авторской редакции
Компьютерный набор и корректура автора
Вёрстка Натальи Хлопцевой
Фото из личного архива автора

Подписано в печать 09.07.2019 г.
Формат 60х84/16.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 13,7.
Заказ № 734.

Отпечатано в АО «Областной издательский центр»